

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ I.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книго-
продавца Соловьева и Данга.

4, 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иног-
родныхъ.

За годовое издание . . . 4 р.
За пересылку . . . — 60 к.
За упаковку . . . — 40 »

Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка пята. Особые приложенія къ номеру (9000 экз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Маржсъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Ссылка.

(Продолженіе).

Дорнъ стоялъ въ нишѣ у окна, и занавѣси почти скрывали его; въ числѣ гостей онъ зналъ немногихъ и не находилъ ни одного, который бы ему могъ нравиться. Онъ провелъ рукою по лбу; голова его горѣла; онъ былъ сильно взволнованъ, несмотря на усиліе быть какъ можно спокойнѣе. Онъ уже такъ много слышалъ отъ Ульмана, что теперь потерялъ всякое терпѣніе. Ульманъ былъ его начальникомъ, но только на службѣ—а не въ обществѣ, гдѣ Дорнъ не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію; подобныя отношенія не могли длиться, иначе Дорнъ унизилъ бы себя въ глазахъ Берты.

Изъ-за занавѣски смотрѣлъ онъ на Ульмана, который весьма любезно разговаривалъ съ очаровательной молодой вдовой. Дорнъ не могъ налюбоваться на прекрасное ея лицо—и чѣмъ болѣе въ него всматривался, тѣмъ болѣе казалось оно ему знакомымъ. Оно напоминало ему нѣчто давно прошедшее, а между тѣмъ ни одна изъ припоминавшихся ему знакомыхъ женщинъ не походила на Берту. Какъ онъ ни старался увѣрить себя, что она ему незнакома, взглядъ его какъ бы притягивался къ Бертѣ.

Въ это время подошелъ къ нему Фарбригъ.

— Вотъ гдѣ вы спрятались, сказалъ онъ, — я искалъ васъ во всѣхъ комнатахъ; развѣ вы любите прятаться? спросилъ онъ шутя.

— Вы вѣдь знаете, отвѣчалъ Дорнъ, — что большая часть вашихъ гостей мнѣ незнакома; отсюда я хотѣлъ ознакомиться съ ними, для того чтобы чувствовать себя между ними свободнѣе.

— Кстати же вамъ весьма удобно слѣдить отсюда за моею пріятельницей и судьей, продолжалъ Фарбригъ смѣясь, — признайтесь-ка, что судья очень занимаетъ васъ своимъ ухаживаньемъ за ней. А какъ вамъ нравится молодая вдовушка?

— Она мнѣ очень нравится: ваши похвалы несколько не преувеличены.

— Да я еще вамъ почти ничего не говорилъ объ ея отличномъ характерѣ; она во всѣхъ отношеніяхъ превосходная женщина. Въ этомъ вы сами удостовѣритесь, когда ближе познакомитесь съ нею.

— Я въ этомъ вполне увѣренъ, замѣтилъ Дорнъ.

— Однако я подозреваю, возразилъ Фарбригъ: — что она не совсѣмъ равнодушна къ судьѣ и поддается его лести. Этотъ человѣкъ мнѣ не нравится—и я сомнѣваюсь, чтобы Берта могла быть съ нимъ счастлива.

— И я также не думаю, чтобы онъ могъ понимать женское сердце, замѣтилъ Дорнъ: — онъ слишкомъ старъ для того чтобы войти въ новую жизнь, и я полагаю, что его привлекаетъ только богатство Берты.

— Это было бы безчестно! вскричалъ Фарбригъ: — еслибъ я могъ увѣриться въ этомъ, я во время предупредилъ бы пріятельницу моей жены, хотя и не слѣдуетъ вмѣшиваться въ любовныя дѣла—это самая неблагоприятная услуга, ибо любовь часто ослѣпляетъ человѣка. Но уйдемте, насъ можетъ-быть ищутъ; а я какъ хозяинъ долженъ занимать всѣхъ гостей. Объ этомъ мы поговоримъ позже: надѣюсь, что теперь мы будемъ чаще видѣться.

Онъ взялъ руку Дорна и ввелъ его въ залъ.

Не смотря на простоту Фарбрига, онъ каждого умѣлъ занять. При полной безцеремонности, каждый веселился по своему. Многие, еще до ужина, пили вино. Фарбригъ самъ подавалъ примѣръ, и въ веселости не уступалъ другимъ. Дорну не скоро удалось преодолѣть тѣ чувства, которыя охватили его при встрѣчѣ съ Ульманомъ. Оскорбительныя слова послѣдняго все еще звучали въ ушахъ, и Дорнъ, блуждая по комнатамъ, искалъ удобнаго мѣстечка, откуда бы незамѣтно любоваться Бертой. Знакомыя черты ея лица манили его — и онъ невольно увлекался ею, не сознавая себя. Воспоминанія о его первой любви настолько еще не замерли въ немъ, что онъ сталъ бы бороться противъ завѣдомо-возникающей новой склонности. И не глупо ли было съ его стороны мечтать о Бертѣ, вниманія которой всѣ добились? ему — бѣдному ссыльному, будущность котораго была испорчена на долгіе годы.

Къ ужину Бертѣ повелѣлъ конечно Ульманъ. Фарбригъ какъ ей такъ и Дорну указалъ мѣсто, посадивъ ихъ vis-à-vis. Дорнъ сидѣлъ подлѣ хозяйки. О, какъ охотно помѣнялся бы онъ мѣстами съ кѣмъ бы то ни было! Берта шуточно замѣтила ему, что теперь они могли бы продолжать прерванный разговоръ о судьбѣ; но холодныя, недружелюбныя взгляды, которые бросалъ на него судья, выводили его изъ себя и ставили въ неловкое положеніе. Ульману тоже очень не понутру было сидѣть противъ Дорна, и онъ сначала говорилъ только съ Бертой. Но веселая болтовня ея скоро вовлекла и другихъ въ общій разговоръ. Одинъ Дорнъ, играя ножемъ, молчалъ углубившись въ свои мысли, — и чѣмъ болѣе онъ старался скрыть свое смущеніе, тѣмъ яснѣе оно выдавалось; одна уже быстрота, съ которой онъ опорожнялъ свой стаканъ, достаточно обнаруживала состояніе его духа.

Ульманъ рассказалъ о дѣвочкѣ, которая въ этотъ день чуть-было не утонула: она упала въ рѣчку, но, благодаря неустрашимости подоспѣвшаго рабочаго, была спасена.

— А знаете ли, замѣтила Берта, — я тоже разъ тонула, еще въ дѣвущахъ.

Ульманъ и другіе стали спрашивать ее рассказать этотъ случай.

— Это похоже на сказку, продолжала Берта, — и не лишнюю романтичности; мнѣ было тогда пятнадцать лѣтъ, я путешествовала съ отцомъ по горамъ. Это было первое мое путешествіе, и оно сильно запечатлѣлось въ моей памяти. При моей рѣзвости и смѣлости мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать на каждомъ пригоркѣ, на каждомъ утесѣ. Не понимая что такое опасность, я и не представляла ее себѣ. Отецъ мой, несмотря на всѣ старанія, не могъ сдерживать моего пыла. Каждый новый видъ восхищалъ меня, и я подолгу не могла глазъ оторвать отъ очаровательныхъ пейзажей. Чтобы лучше насладиться горною природою, мы путешествовали пѣшкомъ; съ нами былъ одинъ только проводникъ, который носилъ нашу провизію. Такимъ-то образомъ путешествуя, мы пришли въ одну чрезвычайно живописную мѣстность среди лѣса, съ горнымъ ручьемъ, стремившимся водопадомъ въ горное озеро. Отецъ мой съ проводникомъ расположился отдохнуть въ тѣни столѣтнихъ дубовъ; а я, не чувствуя усталости, не нуждалась въ отдыхѣ.

У самого впаденія ручья въ озеро былъ перекинутъ легкій мостикъ, на него-то и взобралась я. Отецъ закричалъ мнѣ, предостерегая меня отъ опасности; но я,

не видя ее, облокотилась на перила и любовалась водопадомъ съ клокочащей пѣной, которая образовалась отъ паденія ея. Долго любовалась бы я этой восхитительной картиной, еслибъ гнилыя перила не измѣнили мнѣ — я вмѣстѣ съ ними упала въ озеро; волны подхватили меня и уносили на середину. На крикъ мой прибѣжалъ отецъ съ проводникомъ; но не умѣя плавать, они не могли спасти меня, а между тѣмъ меня все дальше и дальше относил отъ берега. Вдругъ по другую сторону озера показались двое молодыхъ людей; я видѣла, какъ одинъ изъ нихъ, снявъ сюртукъ, бросился въ воду. Что случилось далѣе, я уже не помню. Очнувшись послѣ обморока, я увидѣла предъ собою отца на колѣнахъ, который несказанно обрадовался моему пробужденію. Вскорѣ вернулся нашъ проводникъ, бѣгавшій за лѣсниками, и меня перенесли въ домъ лѣсничаго.

Дорнъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, немного наклонясь впередъ; щеки его горѣли; глаза свѣтились.

— А куда же дѣвался вашъ спаситель? спросилъ Ульманъ.

— Этотъ молодой человекъ, рисковавшій жизнью для моего спасенія, отвѣчала Берта, — и съ такимъ трудомъ вытащившій меня на берегъ, скрылся тотчасъ же съ своимъ товарищемъ. Это были два студента; они тоже путешествовали по горамъ — и вѣроятно запоздавъ, не останавливаясь на ближайшей станціи, поѣхали домой.

— Вы такъ и не видали съ тѣхъ поръ вашего избавителя? повторилъ Ульманъ.

— Ни разу, отвѣтила Берта, — мой отецъ, въ страхъ и хлопотахъ, забылъ спросить о его имени — и я до сихъ поръ не знаю, кому обязана жизнью. Тогда я плакала о томъ, что не могла отблагодарить его. Склоняясь на мои просьбы, мой отецъ нѣсколько разъ публиковалъ въ газетахъ, чтобы молодой человекъ, спасшій тамъ-то дѣвушку, объявилъ свое имя; но отвѣта не было.

— Вѣроятно счастливецъ, которому удалось спасти васъ, не читалъ объявленія, замѣтилъ Ульманъ; — вы безъ сомнѣнія часто думали о вашемъ спасителѣ? прибавилъ не безъ усмѣшки судья.

Легкая краска покрыла лицо Берты.

— По крайней мѣрѣ я сохранила самую теплую благодарность къ нему, возразила она: — мнѣ покажется чудомъ, если судьба сведетъ насъ еще разъ; но съ какою радостью протянула бы я ему руку, чтобы выразить благодарность!

Дорнъ слушалъ и видѣлъ все. Онъ едва владелъ своимъ взволнованнымъ сердцемъ; онъ былъ восхищенъ и готовъ тотчасъ пасть предъ Бертой; — вѣдь это онъ — онъ былъ счастливецъ, спасшій ей нѣкогда жизнь! Потому-то черты ея были ему такъ знакомы! Слѣдовательно онъ не ошибся — онъ ее уже разъ видѣлъ! Въ ту пору онъ долго хранилъ въ сердцѣ образъ ея, долго мечталъ о ней, какъ о какой-то феѣ, явившейся ему въ лѣсу! Сколько разъ порывался онъ отыскать ее, пока годы постепенно не изгладили этого случая и мысли о ней въ его памяти.

Теперь ясно представилось ему все происшедшее; въ Бертѣ онъ призналъ черты той блѣдой дѣвочки, которую вытащилъ изъ воды, держа ее въ своихъ объятіяхъ; какъ бы вочію рисовалось ему теперь чистое нагорное озеро, пѣнящійся ручей и темный лѣсъ. Нечаянно зашелъ онъ тогда съ товарищемъ на выходящую

внизъ тропинку. Сквозь зелень деревь увидѣлъ онъ на узкомъ мосту дѣвущку, видѣлъ какъ обрушились перила, слышалъ испуганный крикъ, и не долго думая, бросился въ озеро.

Все это ясно представилось теперь его воображенію.

Пылающее лицо его обнаружило внутреннее его волненіе, въ ухахъ все еще отдавались слова Берты: «и плакала о томъ, что не могла отблагодарить его!»

Судья, взявши бокаль, всталъ съ своего мѣста.

— Господа! вскричалъ онъ своимъ громкимъ, звучнымъ голосомъ:—вынемъ за здоровье счастливаца, выручившаго такую жемчужину изъ воды! Мы всѣ обязаны ему благодарностью; не будь его спасительной руки—не сіяла намъ лучезарнѣйшая изъ звѣздъ, — многія лѣта ему!

Всѣ съ восторгомъ чокнулись бокалами.

Въ залѣ раздавались громкія задравные крики.

Одинъ только Дорнъ неподвижно сидѣлъ, углубленный въ мечты. Никто не подозрѣвалъ, что тосты относились къ нему.

— Г. ассесоръ! развѣ вы не хотите чокнуться со мною? спросила Берта, протягивая ему бокаль, наполненный шампанскимъ,

Дорнъ вскопчилъ какъ отъ электрической искры.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ: — тостъ этотъ судьбѣ, ниспославшей вамъ спасителя! проговорилъ онъ, пристально смотря на Берту, и залпомъ опорожнилъ стаканъ.

Долге онъ не могъ сдерживать себя. Онъ не постигалъ причины, настроившей его такъ весело; онъ не въ состояніи былъ успокоить кровь, волновавшуюся подобно пѣнящемуся вину, которымъ онъ запивалъ тостъ,—и далъ полную волю своему остроумію. Краснорѣчіе полилось неудержимо, посыпались остроты, но безъ всякой горечи; да и не мудрено—его сердце билось такъ радостно.

Скоро все общество внимало ему, а дружескій смѣхъ, которому вторила и Берта, болѣе и болѣе воодушевлялъ его. Онъ уже не обращалъ вниманія на грозные взгляды судьи и на его сдвинувшіяся брови. На зло ему онъ старался быть веселымъ. Здѣсь онъ былъ не въ судебной палатѣ, гдѣ долженъ былъ повиноваться взглядамъ начальника. Пѣнящейся передъ нимъ стаканъ не чернуплища, въ которую онъ цѣлый день мокалъ перья; предъ нимъ не было груды запяленныхъ актовъ; предъ редъ нимъ не стоялъ преступникъ, котораго надо было допрашивать. Предъ нимъ сверкали глаза Берты — и блескъ ихъ воодушевлялъ его.

Нѣсколько разъ принимался Ульманъ говорить громче, чтобы отклонить отъ ассесора всеобщее вниманіе.

Когда всѣ встали изъ-за стола, Фарбрингъ, подойди къ Дорну, дружески пожалъ ему руку.

— Вы намъ всѣмъ доставили величайшее удовольствіе сказалъ онъ:—вы обладаете безцѣннымъ юморомъ! Вы сразу завладѣли всѣми сердцами, конечно кромѣ судебного, прошепталъ онъ насмѣшливо:—Ульманъ едва ли проститъ вамъ, что вы отвлекли отъ него вниманіе общества. О! и отлично знаю его; ему хотѣлось-бы одному вести разговоръ и давать всему тонъ.

— Въ обществѣ я кажется имѣю одинакія съ нимъ права, замѣтилъ Дорнъ.

— Конечно, отвѣчалъ Фарбрингъ, — теперь всѣ радуются про себя, что судьбѣ не удалось сегодня вести разговоръ; вѣдь искреннихъ друзей у него весьма немного—онъ слишкомъ упрямъ, спѣсивъ и властолюбивъ,

Вы доставите мнѣ особенное удовольствіе, если почаще будете посѣщать меня. Васъ встрѣтить у меня всегда съ радостью, и мнѣ очень хотѣлось-бы побесѣдовать съ вами.

Гости начали расходиться. Дорнъ только вскользь простился съ Бертой, ибо Ульманъ не отставалъ отъ нея ни на минуту и повидному старался не допускать разговора между ними, хотя это было совсѣмъ лишнее; такъ какъ Дорнъ слишкомъ былъ взволнованъ для того чтобы говорить съ Бертой.

Было очень поздно, однако Дорнъ, выйдя на улицу, совсѣмъ не чувствовалъ усталости.

Чудная, тихая, свѣтлая ночь какъ бы манила его. Что бы онъ сталъ дѣлать дома съ неугомоннымъ чувствомъ бессонницы? Вино и возбужденность вечера подействовали на Дорна; ему было душно. Пройдя за городъ, онъ пошелъ безъ всякой цѣли по большой дорогѣ, пролегавшей между садами. Куда бы ни вела эта дорога—Дорну было все равно. Онъ мечталъ о той, которой спасъ жизнь. Онъ не понималъ, какъ могъ онъ забыть ея прекрасныя черты, хотя она и была тогда почти ребенкомъ. Все чѣмъ было въ то время взволновано его сердце, все что нѣкогда приковывало его мысли къ ней,—все это нынѣ вновь ожило въ немъ. Ему живо представилось, какъ, вытащивъ ее изъ воды на берегъ, онъ сорвалъ съ ея платья синій бантикъ, который спряталъ себѣ на память; долго берегъ онъ его какъ святыню; эта ленточка хранилась до сихъ поръ у Дрона въ книгѣ.

Не удивительна ли та игра судьбы, которая снова свела его съ этой самой дѣвущкой десять лѣтъ спустя! Ему внезапно пришло на мысль, что еслибъ онъ тогда прочелъ въ газетахъ приглашеніе и познакомился бы съ Бертой, вся его жизнь сложилась бы иначе.

Когда Берта рассказывала за ужиномъ про это происшествіе, онъ готовъ былъ вскочить и сказать ей: «Это я тебя спасъ! Долго, долго носилъ я твой образъ въ моей душѣ, пока съ годами не исчезла и надежда тебя когда-нибудь увидѣть».

Но онъ былъ радъ, что не сказалъ этого; онъ выдалъ бы тайну сердца и сдѣлалъ бы этимъ новую глупость. Смѣлъ ли онъ—бѣдный ассесоръ, переведенный въ Б... за наказаніе, при своемъ ничтожномъ жалованьи, безъ всякихъ видовъ на повышеніе,—питать себя новыми надеждами? Могъ ли онъ номѣряться съ судьбою, который такъ явно ухаживалъ за Бертой и казалось даже имѣлъ успѣхъ?

Онъ присѣлъ на камень и закрылъ лицо руками.

Онъ потерялъ надежду на счастье. Можетъ-быть судьба подставила ему образъ Берты затѣмъ только, чтобы снова обмануть его и показать, какъ человекъ безсилень, если счастье противъ него.

Дорнъ еще не чувствовалъ себя настолько сломленнымъ чтобы не полагаться на собственныя силы. Онъ лишился любви отца, потерялъ Аделаиду, а перемѣненіе испортило его служебную карьеру. Но онъ пріѣхалъ въ Б... съ твердымъ намѣреніемъ остаться вѣрнымъ себѣ и силою воли проложить себѣ дорогу. Эта предстоящая борьба тяготила его, ибо онъ не зналъ будетъ ли въ состояніи бороться. Берта произвела на него слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы онъ могъ забыть ее,—хотя ясно видѣлъ, что во всякомъ случаѣ долженъ отказаться отъ нея.

Наступало утро. Свѣжесть воздуха охватила Дорна, и онъ направился домой. Улицы оживлялись, и многіе

изъ встрѣчныхъ съ удивленіемъ осматривали ассесора, такъ поздно возвращавшагося въ бальномъ нарядѣ.

Но Дорнъ этого не замѣчалъ.

Придя домой, онъ поспѣшилъ достать бантикъ, лежавшій уже нѣсколько лѣтъ въ книгѣ. Хотя снѣгъ цвѣтъ ленты полинялъ, но то мгновеніе, когда Дорнъ овладѣлъ ею, ясно представилось его памяти.

Онъ все еще не могъ заснуть, углубился въ мечты, и такъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не настала пора идти на службу.

Тутъ только онъ почувствовалъ послѣдствія волненій и безсонной ночи.

Какъ онъ ни былъ утомленъ, но все таки аккуратно явился въ должность, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ неудовольствію судьи, который и безъ того питалъ къ нему злобу.

Увѣренный въ разсудительности Ульмана, Дорнъ надѣялся, что тотъ забудетъ о прошломъ вечерѣ. Однако онъ ошибся въ этомъ. Когда Ульманъ вошелъ въ судъ, лицо его было строго и холодно — и показывало, что досада и раздраженіе его не успокоилось.

Безъ поклона прошелъ онъ мимо Дорна, и нѣсколько минутъ спустя велѣлъ позвать его къ себѣ въ кабинетъ.

Не зная за собой никакихъ провинностей, Дорнъ вошелъ къ нему совсѣмъ спокойно.

Ульманъ сидѣлъ въ креслахъ у своего стола, и заставлялъ Дорна простоять нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ обратился къ нему.

— Г. ассесоръ, сказалъ онъ, — мнѣ крайне непріятно вспоминать о вчерашнемъ вечерѣ — и я конечно бы этого не сдѣлалъ, еслибъ не былъ вынужденъ къ тому дошедшими до меня со стороны замѣчаніями насчетъ вашего вчерашняго поведенія за ужиномъ.

Дорнъ слегка покраснѣлъ, и губы его задрожали.

— Я прошу васъ, сказалъ онъ, — назвать мнѣ особъ, которыхъ я какимъ-либо образомъ могъ задѣть и этимъ подать поводъ къ негодованію. Я, кажется, никого не оскорблялъ.

Видя, что Дорнъ вовсе не намѣренъ покорно выслушивать выговоръ, Ульманъ нахмурился.

— Я никого не назову, отвѣчалъ онъ, все болѣе раздражаясь, — я самъ обиженъ. Ваше поведеніе было неприлично молодому человѣку, явившемуся въ первый разъ въ общество и сосланному по причинамъ столь исключительнаго свойства.

Дорнъ выпрямился; эти слова превзошли все, что онъ могъ ожидать; они затронули его самолюбіе.

— Г. судья, возразилъ онъ твердымъ голосомъ, — по нашимъ служебнымъ отношеніямъ вы въ правѣ дѣлать мнѣ замѣчанія за ошибки мои на службѣ; но вчера вечеромъ мы были совершенно равны: какъ вы такъ и я были гостями Фарбрига — и онъ одинъ можетъ рѣшить, кто изъ насъ долженъ пользоваться большими

правами въ его домѣ; — а потому я рѣшительно не принимаю вашихъ замѣчаній.

Разгнѣванный Ульманъ вскочилъ съ кресла.

— Вы смѣете мнѣ это говорить! вскричалъ онъ, — знаете ли, что мнѣ поручено министерствомъ доносить о вашемъ поведеніи здѣсь, и что сегодня-же я пошлю о васъ рапортъ?

Волненіе начальника вызвало у Дорна невольную улыбку.

— Что мнѣ за дѣло, возразилъ онъ, — если вы напишете въ рапортѣ, что вчера я былъ веселъ въ обществѣ. Не знаю, насколько это интересно министерству. Что касается до усердія моего къ службѣ, я надѣюсь, что ни въ чемъ не провинился.

— Службой вашей я также недоволенъ, замѣтилъ Ульманъ, все болѣе предаваясь гнѣву, — я и это занесу въ рапортъ.

— Въ такомъ случаѣ, я обязанъ потребовать, чтобы вы указали мнѣ какую-нибудь ошибку или оплошность съ моей стороны, замѣтилъ Дорнъ.

— Вы не имѣете права требовать этого.

— Напротивъ, имѣю полное право, твердо возразилъ ассесоръ, — конечно, я не могу заставить васъ сдѣлать это, но до тѣхъ поръ буду считать ваши замѣчанія ни на чемъ не основанными, пока не получу доказательствъ.

— Вы кажется забываете, г. ассесоръ, что я вамъ начальникъ! вскричалъ Ульманъ.

— Это я очень хорошо знаю, отвѣчалъ Дорнъ: — мнѣ одно было неизвѣстно — это, что вы и вчера въ обществѣ были мнѣ начальникъ.

Ульманъ нахмурился. Онъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и что Дорна не подчинить своему произволу. Уступить было невозможно, а отвѣтиться на крайность Ульманъ не смѣлъ; сознавая себя неправымъ, онъ сдѣлалъ Дорну знакъ оставить его.

— Вы узнаете мои дальнѣйшія распоряженія, прибавилъ онъ.

— Мнѣ было бы весьма пріятно, еслибъ надо мной назначили слѣдствіе; тогда я могъ бы оправдаться отъ взводимыхъ на меня обвиненій, возразилъ Дорнъ, выходя изъ комнаты.

Возвратясь къ своему мѣсту, Дорнъ взялъ лежавшіе на столѣ бумаги и хотѣлъ работою успокоить волненія, но буквы прыгали у него въ глазахъ, и онъ не могъ забыть случившагося.

Зная характеръ Ульмана, Дорнъ постоянно остерегался всякихъ столкновеній съ нимъ; но этого уже Дорнъ не могъ спустить ему, хотя и сознавалъ, что онъ безсиленъ противъ судьи.

Еслибъ даже содержаніе рапорта, который Ульманъ хотѣлъ послать въ министерство, стало извѣстно Дорну, могъ ли бы онъ оправдываться отъ обвиненій начальника?

(Продолженіе будетъ).

Городъ Пошехонье.

Въ сѣверо-западной части древней Ярославской губерніи, на судоходной рѣкѣ *Согожъ*, лежитъ небольшой уѣздный городокъ Пошехонье. Его исторія начинается съ того времени, когда Литовцы и Поляки приходили на Русь въ 1612 году. Народное преданіе указываетъ на близъ-лежащія возвышенности, какъ на мѣсто вражь-

яго польскаго лагеря, гдѣ стояли главные силы *Пановщины*, отчего и самыя горы носятъ названіе *Пановскихъ* горъ. По преданію и городъ (т. е. въ то время небольшая торговая слобода) лежалъ на мѣстѣ Пановскихъ горъ.

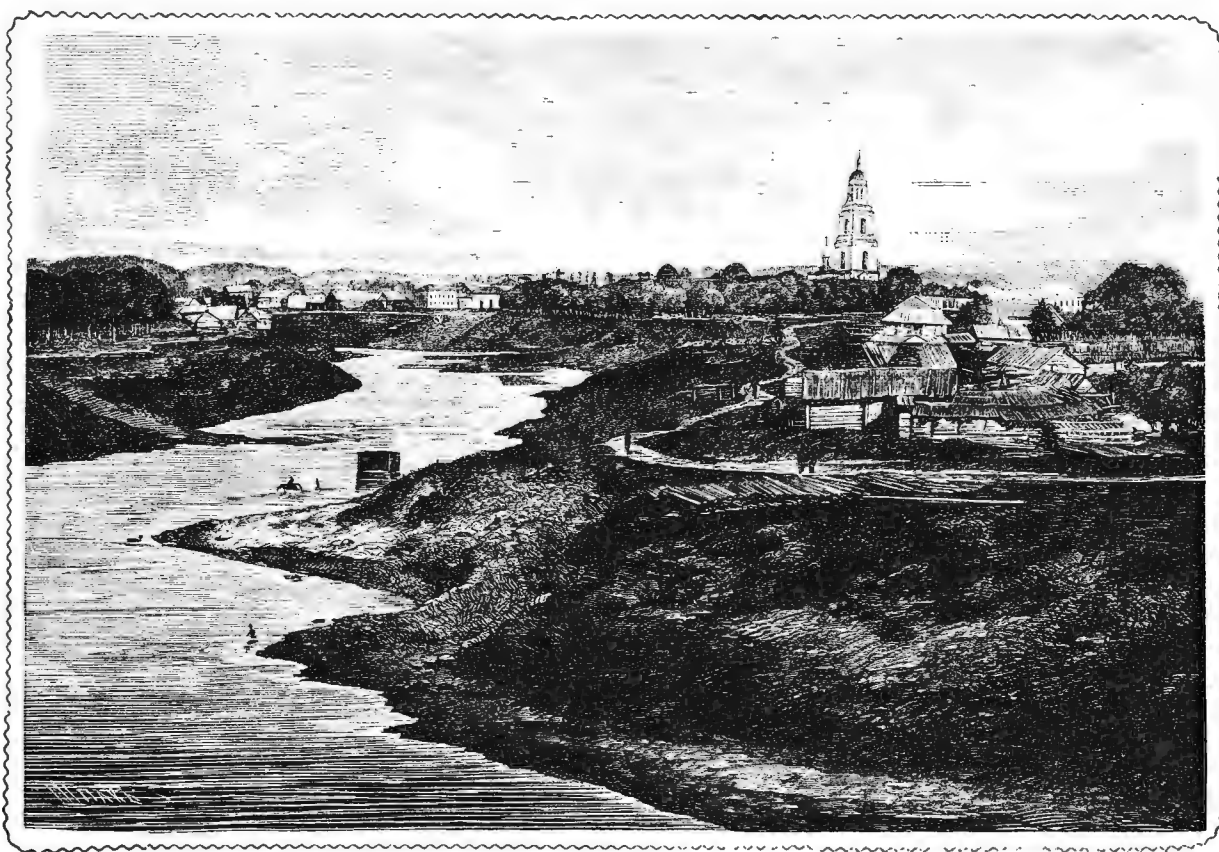
Изъ историческихъ актовъ видно, что Пошехонье,

при раздѣленіи Петромъ Великимъ Россіи на губерніи, составляло часть С.-Петербургской, а впоследствии перешло въ составъ Новгородской, и наконецъ Ярославской.

Городъ красиво расположенъ на возвышенномъ берегу рѣки—и хотя не имѣетъ богатыхъ большихъ зданій, но видъ его издали очень живописенъ. Согожа, огибая городъ, сливается съ другою рѣчкою Согою и образуетъ острый уголъ, застроенный небольшими домиками. Это составляетъ какъ бы предмѣстье города. На Согоѣ и Согожѣ расположено между предмѣстьемъ и городомъ нѣсколько водяныхъ мельницъ. Направо, изъ густой массы зелени городского сада, внезапно возникаетъ бѣлая высокая колокольня городского собора, за кото-

перевозкою судовъ и баржъ конною тягою. Но эта отрасль промышленности не составляетъ источниковъ богатства народонаселенія. Главный промыселъ есть хлѣбопашество и заработки въ столицѣ. Кому не извѣстенъ своеобразный типъ крестьянина Ярославской губерніи? Даже самое физическое сложеніе рѣзко отличаетъ его отъ типовъ другой губерніи; а живой, веселый характеръ, плутоватая изворотливость ума, довольно прямой взглядъ на вещи и умѣнье воспользоваться плодами своего ума на счетъ другихъ,—всѣмъ этимъ при красивомъ физическомъ строеніи обуславливается то, что изъ среды ярославцевъ не мало выдѣлилось и выдѣляется дѣльныхъ, даровитыхъ людей и капиталистовъ.

Въ городѣ Ярославской губерніи есть еще особен-

Городъ Пoшeхoнe.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисоваль В. Шпакъ, гравироваль Е. Даммюллеръ.

рымъ помѣщается гостинный дворъ и улицы самого города. Городъ разбитъ отъ соборной площади сходящими ся многоугольникомъ улицами.

Постоянная тишина города нарушается только поэтическимъ шумомъ текущей по камушкамъ рѣки и водяныхъ мельницъ.

Народонаселеніе города простирается до 3500 жителей. Современное торговое состояніе Пoшeхoнeя весьма незначительно. Осенью (именно: въ сентябрѣ мѣсяцѣ) бываетъ довольно порядочная конная ярмарка. Въ Пoшeхoнcкoмъ уѣздѣ въ прежнее время бывали, говорятъ, хорошіе конскіе заводы,—и теперь нѣрѣдко въ уѣздѣ у крестьянъ можно встрѣтить лошадей—потомковъ породистыхъ. Промыселъ лошадьми въ уѣздѣ и въ самомъ городѣ Пoшeхoнeѣ довольно значителенъ,—такъ какъ жители сѣверо-западныхъ частей Пoшeхoнcкoгo уѣзда, живущіе по бережьямъ Шексны и Волги, занимаются

наея черта, именно: склонность подсмѣиваться надъ другими. Пoшeхoнcкій уѣздъ служить какъ-бы оселкомъ для изощренія насмѣшекъ. О пoшeхoнцaxъ, кромѣ изустныхъ разсказовъ, сочиняли и сочиняютъ разныя книжки—отчасти и не безъосновательно, потому что Пoшeхoнe очень мало воспримчиво къ вписимой цивилизаціи, сравнительно съ прочими уѣздами Ярославской губерніи. Я говорю: «не безъосновательно», потому что на всѣхъ вообще жителяхъ-пoшeхoнцaxъ, лежитъ какой-то особенный отпечатокъ довѣрчивости и добродушія—да и апатія ко всему прочему развита сильная. Немудрено: глушь непроходимая, дороги отвратительныя, люди живутъ исключительно своимъ умомъ. Въ городѣ нѣтъ даже библиотеки. Книгъ почти никто не выписываетъ.

О воспримчивости ума и взглядѣ на вещи у пoшeхoнцевъ существуетъ и ходитъ по городу слѣдующее

преданіе. Старинный соборъ имѣлъ небольшую колокольню съ небольшими колоколами. Одинъ изъ богомольныхъ купцовъ поѣхалъ въ Москву и на дорогѣ захотѣлъ возблагодарить Бога за щедроты Его въ видѣ хорошихъ барышей, заказалъ въ Москвѣ большой колоколь (кажется, въ 350 пуд.). Колоколь отлили и по адресу доставили въ Пошехонье; собрались жители, стали подымать, но... амбразуры колокольни оказались такъ малы сравнительно съ колоколомъ, что онъ не помѣщался и на половину. Купецъ не потерялся. «Наплевать, говорить, ломай колокольню, новую выстроишь». На томъ и порѣшили строить новую—и выстроили. Этотъ фактъ мѣстнаго преданія по своей комичности кажется невѣроятнымъ; но что вы скажете, читатель, о слѣдующемъ обстоятельстве, чему я былъ самъ свидѣтель, и могу подтвердить самыми вѣрнѣйшими доказательствами.

Усердіемъ прихожанъ (особенно купцовъ) скопился въ соборѣ порядочный капиталъ — говорятъ около 75,000. Мпрные граждане Пошехонья, въ силу своихъ религиозныхъ чувствъ, стали недовольствоваться малымъ помѣщеніемъ и бѣдностью отдѣлки соборнаго храма.

И вотъ, снаряжается въ Петербургъ одинъ изъ спланныхъ гражданъ пошехонскаго міра, заказываетъ въ Петербургѣ проэктъ новаго соборнаго храма; ему предлагаютъ для постройки архитектора, но умный сей мужъ отклоняется отъ предложенія въ силу того, что «мы, молъ-дѣ, и безъ ученыхъ обойдемся. У насъ есть Михайла, каменщикъ, подрядчикомъ въ Питерѣ былъ,

дворцы строилъ, и не хуже всякаго «архитектора» дѣло знаетъ и любаго изъ нихъ за поясъ заткнетъ». На томъ и порѣшили, чтобъ строить Михайла. Привезли матеріалъ: гранитъ, кирпичъ, желѣзо, заказали рѣшетки и прочее, и принялись за постройку большого храма. Работа закинула живо; къ маю мѣсяцу 1869 года (а строить начали въ 1868 году) храмъ былъ законченъ вчернѣ куполомъ, и тутъ то оказались прямые результаты наивности строителей: невѣрно рассчитанныя кривыя въ сводахъ, и самая массивность послѣднихъ, сдѣлали то, что по угламъ стѣнъ зданія образовались вертикальныя трещины. Стѣны отъ давленія слишкомъ большой тяжести купола лопнули. Но строители не потерялись: наняли рабочихъ разобрать зданіе, и начинаютъ строить снова подъ руководствомъ уже архитектора, командированнаго губернской строительной комиссіей. Теперь новая церковь разобрана, но когда будетъ окончена и чего стоитъ эта двойная работа—предоставляю спросить у г.г. строителей, которые не затруднятся увѣрить, что дѣло Божье и что мы грѣшники тутъ ни причемъ. Наивность перваго случая—постройки колокольни по новому колоколу—кажется баснословною, но послѣдній фактъ дѣйствительный не подтверждаетъ-ли предъидущаго и не характеризуетъ развѣ почти дѣтскихъ наивныхъ взглядовъ?... и, конечно, даетъ случай сосѣдямъ посмѣиваться надъ простячками пошехонцами.

А. Шевяковъ.

ТЕМНАЯ И СВѢТЛАЯ СТОРОНЫ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ.

Лекція профессора Лудвига.

Когда образованное общество вызываетъ естествоиспытателя изъ его тихой лабораторіи и кабинета—и спрашиваетъ о результатахъ его трудовъ, онъ охотно принимаетъ приглашеніе, полный вѣры въ міровое, всеобъемлющее значеніе своей науки. Торопливо перебираетъ онъ листы въ книгѣ своего знанія—и ищетъ свѣтлаго мѣста, которое могло бы согрѣть сердца его слушателей, заманить ихъ на тѣ маловѣдомые трудные пути, на которые онъ хочетъ вести ихъ. Но чѣмъ усерднѣе ищетъ онъ, тѣмъ менѣе ему удается. Какую бы область своей науки онъ ни выбралъ, она не представитъ ему ни одного изъ тѣхъ мотивовъ, которые сотнями представляются историкъ или психологъ и которые въ состояніи плѣнить нравственное и художественное чувство.

Солнечныя системы, которыя восхищаютъ тѣлесный взоръ роскошью своего свѣта и гармоніей своихъ движеній, духовному взору являютъ въ своемъ настоящемъ видѣ—несмѣтнымъ числомъ массъ одинаковой формации, съ педантской точностью совершающихъ свои правильныя круговращенія. И такъ, настоящее оказывается скучнымъ, будущее же—нечально, ибо астрономія предрекаетъ, что солнца когда нибудь выгорятъ, охлаждаясь превратятся въ планеты и луны, и наконецъ что когда одно за другимъ выгорятъ всѣ солнца и все сведется на ровную степень теплоты—прекратится чередованіе дня и ночи, дождя и ясной погоды, и все необъятное мірозданіе застынетъ въ мертвой неподвижности. Кого порадуетъ подобное кассандровское знаніе?

Богатое царство растительности — образецъ худож-

ника, матеріалъ для сравненій поэта, утѣшеніе скорбной души, пища голоднаго, — чѣмъ оно сдѣлалось въ рукахъ науки? Изъ дерева она изгнала нимфу, изъ цвѣтка — духи Титаніи, и ввела въ законныя права механику! Раскрылись тогда таинственныя чудеса развитія и роста: кислоты фосфорная, сѣрная, азотная, угольная, окиси калия, кальція, желѣза, химически тѣсно соединенныя, разлагаются въ сокахъ зародыша; двигательныя силы — нами называемая теплотой и свѣтомъ—даютъ ходъ механизму органическихъ вѣточекъ, которыя изъ одной части упомянутыхъ соединений извлекаютъ кислородъ, и горючій остатокъ выливаютъ въ форму издавна имъ самимъ данную. Безспорно, нельзя не удивляться смѣлости и проницательности ума человѣка, который отважился (и съ успѣхомъ) отнестись къ столь богатому формами и матеріей растительному царству, какъ къ результату простыхъ механическихъ процессовъ. Во время разрѣшенія загадокъ, изслѣдователь ощущаетъ радость, возбуждаемую сознаніемъ, что онъ подмѣтилъ одинъ изъ творческихъ пріемовъ вѣчныхъ силъ природы; но для слушателей мало отраднаго въ расщипанной на мелкія части, мертвой схемѣ.

Еще болѣе разочарованій представляетъ намъ животное царство, научно-разсматриваемое. По результатамъ схемы (безконечной арифметической задачи, въ которой вмѣсто цифръ является исчисленіе упругости тѣлъ и сложнѣйшихъ формъ мельчайшихъ поверхностей, быстроты и путей проходимыхъ движущимися крупицами), яйцо оказывается самымъ совершеннымъ живот-

нимъ организмъ, одареннымъ чувствомъ, страстью, волей и силою.

Въ цѣломъ, животный мѣръ является *человѣкомъ разложеннымъ на части*, т. е. то что обрѣтается въ насъ въ соединеніи—разложено на всевозможныя виды и роды животныхъ, на тысячу ладовъ. Рядомъ съ темными страстями, обуревающими человѣка въ роковые часы его жизни: кровожадностью, насиліемъ, хитростью, — мы видимъ первообразъ нашихъ благороднѣйшихъ качествъ: вѣрности, преданности семьѣ, даже общинѣ. Но эта привлекательная картина омрачается, какъ только обнаруживаются побужденія, руководящія дѣйствіями животныхъ. Гдѣ только удастся отыскать сокровенную причину нагубнаго или благороднаго поступка животнаго, мы убѣждаемся, что этотъ поступокъ обусловленъ чувственнымъ наслажденіемъ или непріятнымъ ощущеніемъ. Этой-то силѣ физическихъ чувствъ должно приписывать то, что родители сегодня кормятъ и охраняютъ дѣтенышей своихъ, завтра прогоняютъ и грабятъ, и жизнь всего животнаго царства управляется однимъ великимъ закономъ: закономъ свирѣпой борьбы изъ-за существованія. Каждая тварь беззащитчиво удовлетворяетъ свои нужды и неупускаетъ никакихъ средствъ, чтобы другихъ притѣснить, себѣ же обезпечить похитенную добычу. Ужасъ и отвращеніе, возбуждаемые этимъ зрѣлищемъ, довершаются наконецъ тѣмъ фактомъ, что наслажденіе сильнѣйшаго, когда онъ разрываетъ живьемъ побѣжденнаго, несравненно меньше причиняемаго яму страданія. Тщетно ищемъ мы въ этой борьбѣ—всѣхъ противъ всѣхъ—какого ипобудь нравственнаго начала: благородства, великодушія, состраданія, или вообще чего нибудь могущаго тронуть сердце человѣка. Самый благосклонный глазъ различаетъ лишь сдѣланіе причинъ и дѣйствій.

Перейдемъ наконецъ къ наукѣ о физической жизни человѣка. Наука эта доказываетъ, что единству нашего сознанія подчинено огромное число орудій, изъ которыхъ составлено наше тѣло. Каждое изъ этихъ орудій, для того чтобы развернуть всю свою дѣятельность, требуетъ столькихъ и столь многообразно-измѣчивыхъ условій, многія изъ нихъ возбуждаютъ въ насъ такія разнообразныя ощущенія, что управлять и пользоваться всѣми ими возможно только съ помощью особыхъ вспомогательныхъ средствъ. Средства эти съ перваго же взгляда мы признаемъ весьма много-различными.

Тѣ органы, которымъ ввѣрено сохраненіе нормальнаго состава нашего тѣла, пользуются почти совершенной самостоятельностью, — до такой степени, что они даютъ знать о себѣ только когда нормальная дѣятельность ихъ нарушена; да и тогда они высказываются не ясно-опредѣленными представленіями, а только общими ощущеніями и требованіями: мы чувствуемъ холодъ, трудное дыханіе, стѣсненіе сердца, и пр. Въ этотъ разрядъ входятъ, напр., органы пищеваренія, питанія, дыханія, кровообращенія. Ясно, что, именно вѣдствіе этой самостоятельности, они могутъ совершать свою задачу только при высокой степени совершенства. Дѣйствительно—удивительна экономія, съ которой они работаютъ; на себя они берутъ весьма малое количество пищи, которую мы отдаемъ имъ на разработку; добросовѣстно разносятъ они пищу по всѣмъ частямъ тѣла, щедро давая каждой средства къ полной, здоровой жизни, и кромѣ того тщательно собираютъ изъ всѣхъ уголковъ до послѣдней крохи остатки отъ органическаго хозяйства, годное откладываютъ въ общій капиталъ, негодное со-

жигаютъ или выкидываютъ. Эти органы, которые вполнѣ можно бы сравнить съ администраціею нашихъ государствъ, само собою разумѣется соединены тончайшими ощущеніями со всѣми частями нашего тѣла, чтобы познавать потребности каждой изъ нихъ, — а съ другой стороны располагаютъ сильной и прекрасно-организованной исполнительною властью, чтобы имѣть возможность дѣйствовать—когда, гдѣ, и насколько нужно. И въ какомъ совершенствѣ они снабжены всѣмъ нужнымъ!

Дивная простота ихъ строенія, легкость ихъ дѣйствій, вѣрность и аккуратность сложнѣйшихъ механизмовъ, мудрое сбереженіе и распределеніе силъ, — все это составляетъ предметъ справедливаго удивленія специалиста, потому что во всемъ этомъ обнаруживается нечеловѣческая изобрѣтательность и тонкость исполненія.

Возьмемъ для примѣра одно изъ самыхъ простыхъ физиологическихъ явленій: прохожденіе вдыхаемаго воздуха черезъ голову. Воздухъ, вдыхаемый грудью черезъ носъ, есть необходимѣйшее условіе жизни, но въ то же время подвергаетъ насъ большой опасности. Въ томъ видѣ, какъ онъ вдыхается, онъ менѣе влаженъ чѣмъ наша внутренность. Воздухопроводные каналы головы быстро иссохли бы, еслибъ на всемъ протяженіи ихъ со стѣнокъ не разливалась постоянно влага мелкой росой. Влага эта хранится въ маленькихъ желѣзкахъ. Каждая изъ этихъ желѣзокъ имѣетъ свои нервы, изъ которыхъ опять нѣкоторые играютъ роль гигрометровъ, измѣряющихъ степень внутренней влажности, другіе — цѣпи, выше-поднимающей шлюзы или клапанчики въ ясную сухую погоду и притворяющей его въ сырость и дождь. Но воздухъ не только сухъ: онъ еще пыленъ, хотя бы въ земномъ раю. Въ душномъ лѣсу, надъ свѣжей зеленью луга — порхаютъ, несомые легчайшимъ дуновеніемъ, цвѣточная пыль, зародыши инфузорій и грибовъ. По самому умѣренному исчисленію, человѣкъ въ одинъ сутки вдыхаетъ въ себя не менѣе семидесяти милліоновъ такихъ зародышей, помимо простой, неорганической пыли. Въ числѣ этихъ япчекъ и ячекъ много есть тысячъ такихъ, которыя находятъ влажную и теплую почву нашихъ воздухопроводныхъ каналовъ весьма удобной для произрастанія. Какъ бы намъ защититься отъ этихъ гостей, если бы природа не позаботилась? Она покрыла поверхность каналовъ мерцательною оболочкой, которая постоянно гонитъ вдыхаемыя органическія зародыши черезъ выходящее въ ротъ носовое отверстіе, по отлогой плоскости мягкаго нѣба, въ нищепріемное горло. Смѣшанное со слюною, все это глотається и во всеразрушающемъ желудкѣ теряетъ свою жизненную силу. Эта ткань или оболочка состоитъ изъ мерцательныхъ волосковъ — такихъ крошечныхъ, что четыреста ихъ, наложенные концомъ къ концу, составили бы въ длину *одну линію*, и столь тонкихъ, что ихъ сорокъ тысячъ сидитъ на поверхности, равняющейся головкѣ порядочно толстой булавки, и могло бы умѣститься еще столько же. Волоски эти по силѣ — исполины: они съ легкостью передвигаютъ по гладкой поверхности носовой полости тяжести въ 200,000 разъ больше ихъ; они живучи и выносливы какъ земноводные, ибо, несмотря на отдаленіе отъ животворнаго тока крови, они не боятся никакой температуры; они неустомимы какъ сердце, потому что тоже не спятъ никогда, и устроены еще искуснѣе сердца, потому что работаютъ безъ помощи нервовъ; они — образецъ дисциплины, потому что эти билліоны волосковъ всѣ бьютъ въ одну сторону и въ одно время,

наконецъ они—олицетворенная скромность, потому что, хотя они въ минуту множество разъ поднимаются и опускаются, они не заявляютъ о себѣ даже наилегчайшимъ щекотаніемъ.

Это ощущеніе, т. е. щекотку—природа приберегла для другой цѣли. Если комаръ залѣзетъ въ носъ, или залетитъ въ него песчинка—опять новое чудо. Оповѣщенный щекоткой объ опасности, которую неутомимые мерцательные волоски уже не въ состояніи отбратить, носъ прибѣгаетъ къ болѣе энергическимъ средствамъ. Черезъ толщину стѣнокъ его быстро пробѣгаетъ токъ крови, и этимъ даетъ возможность желѣзкамъ обдать чуждое тѣло слизистой жидкостью. Въ тоже время съ телеграфической быстротой дается знать мозгу, въ которомъ засѣдаютъ нервы, управляющіе грудной областью. Эти нервы немедленно спѣшатъ на выручку: они расширяютъ *грудную клетку* и внезапнымъ толчкомъ выталкиваютъ только что вдохнутый воздухъ черезъ носъ, такъ что незванный гость неминуемо вылетаетъ. Читатель можетъ-быть улыбнется этому патетическому описанію такого обыкновеннаго процесса какъ чиханіе; но эта улыбка, я полагаю, скоро уступить мѣсто удивленію, если поставитъ вопросъ: какимъ способомъ можно бы умышленно лучше и проще совершить этотъ, какъ мы видѣли, довольно-сложный невольный процессъ?...

Но и пройдя носъ, воздуху, на пути черезъ голову, угрожаютъ еще опасности—особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ ему приходится перейти дорогу разжеваннаго куска въ желудокъ.

Каждый знаетъ, что около корня языка, который служить столько же для глотанія сколько для рѣчи, открываются два канала, изъ которыхъ одинъ, пище-проводный, ведетъ въ желудокъ, другой—дыхательное горло—въ легкія. Какъ тутъ легко не туда попасть! а между тѣмъ, довольно одной ошибкой чтобы убить на мѣстѣ, потому что массы одного куска достаточно было бы чтобы навѣки заткнуть дыхательное горло. Если бы мы были предоставлены сами себѣ, нѣтъ сомнѣнія, что каждый глотокъ сопровождался бы опасностью смерти, пока мы не выучились бы трудному искусству глотанія. Но и тутъ выручаетъ насъ природа. Около начала дыхательнаго горла она помѣстила какъ бы вѣнокъ изъ нервовъ, крайне-чувствительныхъ къ прикосновенію пищи; лишь дотронется до ихъ кусокъ, они приходятъ въ страшный переполохъ, дыхательное горло временно закрывается язычкомъ и прекращаетъ дѣятельность, глотательные же аппараты усиливаютъ ее до тѣхъ поръ, пока съ опаснаго перекрестка удалены вещества живительныя для желудка, но смертоносныя для легкіхъ. Иногда впрочемъ случается, что нервы, направляющіе пищу куда слѣдуетъ, находятся въ сонномъ состояніи, или обладатель желудка и легкіхъ хочетъ въ одно и тоже время и ѣсть и говорить, такъ что во время глотанія дыхательные аппараты открыты,—тогда легко можетъ случиться, что кусокъ собьется съ дороги. Если твердое тѣло попало въ гортань, то ужъ не до шутокъ; болѣзненнымъ ощущеніемъ вызывается сознаніе опасности, начинается судорожный кашель—и его толчкамъ (особенно если помогать имъ и наружными толчками) обыкновенно удается устранить опасность безъ содѣйствія хирурга.

Не менѣе удивительно и совершенно устроены органы чувствъ и члены, которые доводятъ до нашего сознанія ясное представленіе о свойствахъ вещей или непосредственно повинуются сознательному акту нашей воли. Мы готовы усумниться въ безусловной власти

надъ нашимъ собственнымъ тѣломъ, когда подумаешь, что мы должны наблюдать одновременно за глазами, ушами, руками, ногами, иногда еще за обоняніемъ, вкусомъ и голосомъ, несмотря что на рѣшеніе и представленіе требуется замѣтное время. Возьмемъ хоть глазъ. Его удивительно-точный оптический аппаратъ мгновенно примѣняется къ предметамъ находящимся на различнѣйшихъ разстояніяхъ, ось его безошибочно и безъ колебанія направляется съ величайшей быстротой на какой угодно пунктъ. Этого мало. Спокойно глядя въ даль, и принимая изображенія на микрометрически-раздѣленной *зрительной плоскости*, глазъ въ точности примѣчаетъ, какое отношеніе къ цѣлому имѣетъ каждый отдѣльный освѣщенный предметъ,—и вѣрно опредѣляетъ, насколько наиболее отдаленный предметъ сдѣлался бы больше, если бы его приблизить наравнѣ съ ближайшими. Если же глазъ во время зрѣнія шевелится—онъ сверхъ того измѣряетъ углы, подъ которыми онъ вращается, а если еще и голова въ это же время мѣняетъ свое положеніе, то глазъ принимаетъ въ расчетъ всѣ изъ этого слѣдующія отношенія, а также направленіе этого движенія. Изъ этихъ столь же многочисленныхъ, сколько и сложныхъ операций образуется результатъ—и переводится на понятный нашему сознанію языкъ, такъ что мы прямо видимъ величину и положеніе предметовъ, а не выводимъ заключенія о нихъ по тяжелому процессу исчисления. Если покажется сомнительно, чтобы нашъ зрительный аппаратъ измѣрялъ пространство независимо отъ нашего сознанія, пусть только вспомнить, что мы даже не знаемъ (безъ спеціальнаго изученія) масштабъ, по которымъ производится это измѣреніе. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ сокращенія нашихъ глазныхъ мускуловъ. Сокращеній же этихъ мы даже не можемъ вовсе принять въ соображеніе, по той уже простой причинѣ, что безъ анатомическаго изслѣдованія мы не знали бы даже о существованіи этихъ мускуловъ. Но если бы мы и знали всѣ законы движенія этихъ мускуловъ, и отъ насъ бы требовалось только, чтобы мы изъ объема и направленія этого движенія вывели величину и отдаленіе предмета,—мы могли бы это сдѣлать только будучи коротко знакомы съ необходимыми числительными операциями—и даже въ такомъ случаѣ, опытному математику нужна была бы довольно продолжительная головная работа, чтобы подвести итогъ. Ясно, что глазъ все это самъ дѣлаетъ, насъ не спрашиваясь.

Такими точно способностями обладаетъ не одинъ только глазъ, но каждое наше чувство, въ особенности слухъ и осязаніе, хотя едва ли въ меньшей степени одарены ими и аппараты служащіе намъ для ходьбы, хватанія и рѣчи.

Это устройство, необходимое вслѣдствіе ограниченныхъ способностей нашего ума,—этотъ механизмъ, столь благотворно дѣйствующій для насъ до тѣхъ поръ пока онъ подчиненъ этому уму—становится для насъ ужаснѣйшимъ мученіемъ, если онъ злоупотребляетъ своей самостоятельностью, если онъ позволяетъ себѣ на яву таія вольности, которыя позволяютъ ему только во снѣ, обманывая насъ, выдавая нашему сознанію за истину образы собственнаго порожденія а не воспріятыя черезъ посредство чувствъ. Довольно намекнуть на возможность подобнаго бѣдствія—сѣумасшествія, галлюцинаціи, или какъ ни называй его—чтобы отбить охоту къ ближайшему изученію этихъ то раболѣпно-подчиненныхъ, то своенравно-безначальныхъ органовъ.

И однако же, при всемъ что это устройство тѣла нашего скрываетъ ужаснаго, опаснаго, съ нимъ еще можно помприться—потому что, безспорно, безъ этихъ данныхъ намъ природой автоматовъ мы были бы еще безпомощнѣе, чѣмъ теперь; вѣроятно нѣтъ другаго средства пособить нашему безсилію, такъ что приходится брать дурное въ придачу къ хорошему. Но что тогда, если всѣ эти союзники нашего Я — вовсе не наша собственность? если и эту лучшую долю нашего тѣла нужно относить къ тому же коммунизму органи-

ческой массы? если мы должны убѣдиться, что не только зародышъ будущаго дерева, но и послушный мускулъ, чуткій нервъ, зеркало души — глазъ — питаютъ паразитовъ въ нашемъ живомъ тѣлѣ? что природа съ такою же удивительной заботливостью подготовила путь слѣпому, безпомощному червю, и его существованіе построила совершенно такъ же какъ наше, на тѣхъ самыхъ органахъ, которые мы съ рожденія привыкли считать своей исключительной собственностью?

(Окончаніе будетъ).

Письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану.

(Окончаніе).

Само собою разумѣется, мпловивый государь, что, въ качествѣ побѣдителей, мы рассчитываемъ еще и на непосредственную награду; вѣдь коль скоро война переходитъ за необходимую личную оборону, то цѣль ея состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы отнять что-нибудь у непріятели. Вы заботитесь о землѣ, и поэтому-то не хотите, чтобы мы, нѣмцы, думали о ней. Да мы сперва и думали не объ этомъ, а только объ нашей безопасности—и, вѣрнѣе мнѣ, что еслибы вы были въ состояніи обезпечить намъ эту безопасность со стороны вашихъ земляковъ, мы были бы вовсе не прочь отъ переговоровъ о землѣ. Но вотъ съ этимъ-то именно и нечего торопиться; вы сами чувствуете это, да и ваша рѣчь даетъ чувствовать тоже самое. Вы тутъ, по моему мнѣнію, нѣсколько преувеличиваете. Я не хочу сказать этимъ, чтобы въ тѣхъ краснорѣчивыхъ словахъ, которыми вы отстаиваете необходимость Франціи въ хорѣ европейскихъ культурныхъ народовъ, было преувеличеніе. Франція живой протестъ противъ педантизма, догматизма и ригоризма—это такія слова, подъ которыми я отъ всей души готовъ подписаться. Конечно, этой струны на лирѣ человечества нельзя по-рвать, не повредивъ полногласности инструмента. Но закричать одному пѣвцу въ хорѣ: *piano!*—далеко не то, что сдѣлать его пѣвцомъ. А что Франція рѣзкими звуками своихъ трубъ очень непріятно нарушала иногда нашу европейскую гармонию—вы сами не захотите отрицать этого. Вы увѣряете, что отнятіе Эльзаса и Лотарингии была бы равнозначительно уничтоженію Франціи. Но я гораздо болѣе высокаго мнѣнія о жизненной силѣ французскаго государственнаго и народнаго тѣла. И тѣмъ болѣе долженъ я удивляться такому недостатку вѣры во французскую національность съ вашей стороны, когда подумаютъ, что вѣдь въ сущности-то это нѣмецкія провинціи, потеря которыхъ возбуждаетъ въ васъ такія опасенія. Франція не устоитъ, если у ней отнимутъ ея нѣмецкія провинціи?! ея тѣло не выдержитъ, если его лишатъ притока нѣмецкой крови?! Признаюсь, я не желалъ-бы сдѣлать подобнаго признанія, еслибы я былъ французомъ. Германія вѣдь устояла же и оправилась отъ своей тогдашней слабости—даже и послѣ того, какъ отъ нея оторвали эти земли, части ея собственнаго тѣла; а Франція не сможетъ перенести отдѣленія такихъ земель, которыя не принадлежали первоначально ей, а отошли къ ней впоследствии и связаны съ нею только поверхностнымъ образомъ? Противорѣча вамъ такимъ образомъ, я чувствую, что поражаю вашу національную гордость въ самое сердце.

Такъ же трудно согласиться намъ, нѣмцамъ, и на ту

другую дилемму, въ которую вы насъ ставите. Мы можемъ, говорите вы, выбрать одно изъ двухъ: или, изувѣчивъ Францію, сдѣлать изъ нея непримиримаго врага себѣ и открыть такимъ образомъ дверь необозримому ряду самыхъ гибельныхъ войнъ,—или же, пощадивъ ее, примприть ее съ собою и склонить ее къ благотѣльнѣйшему союзу—для того чтобы споспѣше-ствовать, общими силами, свободѣ и истинному просвѣщенію. Изображая намъ (въ Revue) Францію такою, какою она будетъ въ послѣднемъ случаѣ, вы рисуете прелестнѣйшую картину. «Побѣжденная, но гордая въ своей неприкосновенности, преданная единственно воспоминанію о своихъ ошибкахъ и устройству своихъ внутреннихъ дѣлъ».... Вы ужъ, пожалуйста, извините насъ, но воображать Францію въ видѣ кающейся—это такое представленіе, котораго мы не можемъ сдѣлать безъ улыбки. Да, она будетъ вспоминать о своихъ ошибкахъ и пораженіяхъ, т. е. будетъ замышлять мщеніе противъ тѣхъ, которые довели ее до этого. Это она станетъ дѣлать во всякомъ случаѣ: возьмемъ ли мы у нея при этомъ нѣсколько земли, или нѣтъ. Народъ, который искалъ удовлетворенія за Садовское дѣло, т. е. за чужое пораженіе, подниметъ въдесятеро сильнѣйшіе крики, требуя мщенія за Вертъ и Мець, за Седанъ и Парижъ, еслибы даже мы и ограничились однимъ только тѣмъ, что такъ часто колотили его. Такимъ образомъ мы не только не улучшимъ нашего положенія въ будущемъ, если пощадимъ Францію, но напротивъ того сдѣлаемъ его хуже. Такъ какъ намъ, ни въ какомъ случаѣ, нечего ожидать отъ нея добра, то поэтому намъ и слѣдуетъ принять мѣры, чтобы она не могла вредить намъ впоследствии. Какъ это сдѣлать?—а вотъ взглянемъ на карту. Въ томъ углу, который между Базелемъ и Люксамбургомъ вдается въ нѣмецкія владѣнія,—разъ на всегда—что-то не ладно. Сейчасъ видно: эта граница не могла образоваться сама собою; здѣсь не обошлось безъ насилія. Здѣсь проломилъ себѣ сосѣдъ ворота въ нашъ домъ: эти ворота мы заложимъ отъ него камнями. Здѣсь врагъ поставилъ когда-то ногу на нашу землю; мы заставимъ его снять эту ногу назадъ. Вы спрашиваете, конечно, не безъ основанія: у какого народа нѣтъ худо-проведенныхъ границъ, если послушать его самого? Но какой же народъ, спрашиваю я васъ въ свою очередь, и не исправитъ этихъ границъ, коль скоро сосѣди втиснутъ ему въ руку оружіе и онъ перейдетъ черезъ эти границы, въ самое сердце непріятельской земли, въ качествѣ побѣдителя. Мы отнимемъ у Франціи тѣ крѣпости, которыми она пользовалась до сихъ поръ для того, чтобы дѣлать изъ нихъ вторже-

нія въ нашу землю,—не для того чтобъ нападать впоследствии при помощи ихъ на ея владѣнія, а для того чтобъ обезопасить наши собственные. Въ этомъ отношеніи у насъ теперь полиѣйшая солидарность между народомъ и правительствомъ, а между тѣмъ мы могли бы призвать всѣ сосѣдніе народы въ свидѣтели того, что мы никогда не имѣли обыкновенія являться нарушителями міра, если насъ оставляли въ покоѣ; да и впродѣ, уже по самой организаціи нашего войска, не можемъ быть ими.

Что Эльзасъ и Лотарингія принадлежали нѣкогда къ германской имперіи,—что, кромѣ того, въ Эльзасѣ и въ одной части Лотарингіи нѣмецкій языкъ (не смотря на всевозможныя усилія со стороны французовъ изгнать его) все еще продолжаетъ оставаться роднымъ языкомъ—это не вызвало съ нашей стороны никакихъ притязаній на эти земли. Мы и не помышляли о томъ, чтобъ требовать ихъ у сосѣда, съ которымъ жили въ мирѣ. Но коль скоро этотъ миръ нарушенъ, коль скоро этотъ сосѣдъ объявилъ намъ реніе снова отнять у насъ наши при-рейнскія земли, которыми онъ, вопреки всякому праву, владѣлъ нѣкоторое время,—мы были бы величайшими глупцами, еслибъ мы, въ качествѣ побѣдителей, не захотѣли возвратитъ себѣ того, что было нашимъ, что необходимо для нашей безопасности (но не болѣе того, что необходимо для этого). Переимѣнивъ извѣстное *vae victis* (горе побѣжденному) на *vae victoribus* (горе побѣдителю), вы обращаетесь съ этимъ послѣднимъ восклицаніемъ къ злоупотребляющему своей побѣдой побѣдителю. Съ этой стороны, какъ я уже говорилъ вамъ, намъ нечего бояться; но мы съумѣемъ также и избавитъ себя отъ тѣхъ насмѣшекъ и сожалѣній, которыя выпадаютъ обыкновенно на долю побѣдителя, не умѣющаго воспользоваться во время своей побѣдой. Что намъ удастся воскресить въ этихъ областяхъ полузадушенную германскую національность (для чего потребуется не особенно много времени) и даже расположить въ свою пользу тѣ дѣйствительно французскія провинціи, которыя мы, согласно съ своими видами, должны будемъ взять себѣ вмѣстѣ съ первыми,—это вы, конечно, съ вашей точки зрѣнія, найдете невозможнымъ; но вы допускаете же, что мы на это надѣемся и поставимъ себѣ это задачей. Мы убѣждены, что мы можемъ предложить жителямъ этихъ областей во вновь-образовавшейся Германіи такія блага, какихъ Франція до сихъ поръ еще не предлагала имъ,—тогда какъ посредствомъ новаго оборота, который приняли теперь нѣмецкія дѣла, устранены тѣ самые неудобства, которыя оттолкнули бы ихъ въ прежнее время отъ присоединенія къ Германіи. Что Эльзасецъ счелъ бы униженіемъ принадлежать вмѣсто первокласснаго французскаго государства какому-нибудь маленькому или среднему германскому государству—это понятно; но теперь объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Если бы даже онъ отошелъ къ Бадену или Баваріи, то и тогда онъ принималъ бы участіе въ дѣлахъ соединеннаго государства и пользовался бы правомъ представительства; но всѣ вожаки общественного мнѣнія сходятся теперь въ томъ, что завоеванныя земли могутъ быть взяты только одною Пруссіею. Если присоединеніе этихъ земель должно вести къ тому, чтобы доставитъ Юго-западной Германіи защиту противъ Франціи, то защита эта можетъ быть доставлена, въ надлежащей степени, только одною центральной властью,—точно такъ же какъ только это первоклассное государство можетъ принять

въ себя, безъ потрясенія своего организма, несродные и сопротивляющіеся элементы.

Васъ удивляетъ, отчего даже самые разсудительные изъ нѣмцевъ не хотятъ согласиться на то, чтобъ нашъ теперешній раздоръ съ Франціей былъ улаженъ посредничествомъ нейтральныхъ державъ, посредствомъ конгресса, изъ котораго могло бы образоваться впоследствии постоянное учрежденіе, европейскій третейскій судъ. Это происходитъ прежде всего отъ того, что на послѣднемъ третейскомъ судѣ подобнаго рода, который долженъ былъ согласитъ насъ съ Франціею, на Вѣйскомъ Конгрессѣ съ нами слишкомъ дурно поступили. Вѣдь никогда еще почти не случалось, чтобы такъ-называемыя нейтральныя державы (а въ то время онѣ были еще къ тому же нашими союзниками) оказались вполне безкорыстными и безпристрастными въ дѣлахъ подобнаго рода. Зависть и страхъ, связи и заступничества увлекаютъ ихъ въ ту или другую сторону, что и было въ особенности тогда,—такъ что благодаря вліянію подобныхъ побудительныхъ причинъ, насъ-нѣмцевъ порядочно обдѣлили, именно въ лицѣ Пруссіи, заключивъ ее въ такія границы, которыя одни уже могутъ оправдать ее въ томъ, что она вырвалась изъ нихъ въ 1866 году. Но самую сильную причину для того чтобъ отвергать подобный третейскій судъ—доставляете вы сами. Этотъ судъ, говорите вы въ своемъ письмѣ, долженъ обязать какъ Францію, такъ и Германію—остаться при тѣхъ границахъ, которыя были опредѣлены между ними прежними трактатами. Такъ какъ вы говорите о «теперешнихъ границахъ», то можно подуматъ, что дѣло идетъ о трактатѣ 1815 года. Но изъ вашей статьи (въ *Revue*) оказывается, что вы разумѣете подъ этимъ скорѣе трактаты 1814 года.

И такъ, мы опять должны потерять Саарлуи и Ландау съ ихъ округами, которые поступили къ намъ во владѣніе только въ 1815. Такъ вотъ наказаніе Франціи за преступно-начатую войну, вотъ награда за нашу славную, но кровавую побѣду,—мы должны отдать побѣжденному врагу часть нашей собственной земли! Нѣтъ, ужъ если такой правосудный человекъ, какъ Эрнестъ Ренавъ, можетъ предлагать на разсмотрѣніе третейскаго суда подобное предложеніе, то мы вполне имѣемъ право, настаивая на томъ чтобы продиктовать самимъ наши условія міра.

Чтобы побѣдоносная Германія приняла подобное предложеніе—для этого конечно должны быть сверхъестественныя причины, и въ этомъ смыслѣ вы вполне послѣдовательны, напоминая намъ (въ концѣ вашего письма) о проповѣди на горѣ и евангельскихъ заповѣдяхъ блаженства, въ особенности же о блаженствѣ миротворцевъ. Кто не отдавалъ должной справедливости идеальной высотѣ этихъ евангельскихъ изрѣченій, но кто же и не относится къ нимъ такъ, какъ, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ относиться ко всякому поучительному афоризму, *cum grano salis*?

Мы питаемъ высокое уваженіе къ слѣдующему правилу: «Кто ударитъ тебя въ правую щеку, тому подставь лѣвую»; но кто изъ насъ желалъ бы имѣть такого сына, который допустилъ бы обращаться съ собою въ буквальный смыслѣ этихъ словъ, или такого зятя, который устроилъ бы свое хозяйство согласно съ другимъ изрѣченіемъ изъ горной проповѣди: «Не пейтеся о завтрашнемъ утрѣ, и т. д.». Католическая церковь съумѣла сладить съ этими изрѣченіями, раздѣливъ ихъ на предписанія для всѣхъ вообще и совѣты для тѣхъ, кто

стремится къ совершенству. Протестантская церковь, которая съумѣла совмѣстить цѣломудріе съ бракомъ, бѣдность съ собственностью, миръ съ войною,—основательнѣе ея. Если же, какъ вы замѣчаете, ни въ евангелии, ни въ первобытной христіанской литературѣ не найдется ни одного слова, изъ котораго можно бы было заключить, что воинскія добродѣтели могутъ доставить намъ небесное царство,—за то никогда и нигдѣ не существовало государства, какъ христіанскаго, такъ и языческаго (да и не могло бы существовать), гдѣ не умѣли бы цѣнить этихъ добродѣтелей. Вы приписываете войнѣ много худаго; мнѣ очень хотѣлось бы, насколько не противорѣча вамъ, приписать ей много хорошаго;—тогда мы сказали бы вдвоемъ все, что только можно сказать о ней. Конечно, войны, предпринятія съ цѣлью грабежа и завоеваній, были всегда гибельны для нравственности, а потомъ и для благосостоянія государствъ—начиная съ азіатскихъ войнъ Римлянъ и кончая войнами вашего перваго Наполеона; напротивъ того, такія войны, которыя предпринимались народами для отраженія непріятельскихъ нападений, для сохраненія своей независимости (не смотря на всѣ тѣ бѣдствія, которыя влекутъ за собою, въ значительномъ количествѣ, даже и такія войны), всегда имѣли своимъ послѣдствіемъ сильнѣйшее развѣтвіе національной жизни—начиная отъ персидскихъ войнъ Грековъ и кончая нашими войнами за освобожденіе и настоящею войною, отъ которой мы и теперь уже можемъ ожидать самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.

Это, однакоже, странно—и указываетъ на замѣчательное извращеніе обыкновеннаго порядка—французъ проповѣдуетъ о мирѣ намъ-нѣмцамъ! Членъ народа, вотъ уже цѣлыя столѣтія, держащаго въ рукахъ факелъ европейской войны, — сосѣду, едва успѣвавшему тушить тѣ головыни, которыя этотъ народъ выдалъ въ его города, подкладывая къ его шивамъ! Что должно было произойти, какъ многое должно было измѣниться, пока до этого дошло! Французъ такъ долго оскорблялъ нѣмца своими поступками, такъ безостановочно грозилъ ему, что наконецъ этотъ послѣдній, для того чтобъ доставить себѣ спокойствіе, рѣшился перекрестить свой серпъ на мечъ. И вотъ, съ этимъ мечомъ въ рукѣ, нѣмецъ такъ сильно наступилъ теперь на француза, что этотъ послѣдній начинаетъ восхвалять ему благодѣянія мира. Мы не нуждаемся въ этихъ славословіяхъ; мы гораздо охотнѣе остались бы при серпѣ. Когда Милонъ сталъ читать въ изгнаніи защитительную рѣчь Цицерона, которая во время защиты не была еще такимъ образомъ искусства, какимъ Цицеронъ сдѣлалъ ее впоследствии, — онъ, говорятъ, воскликнулъ: «о, еслибъ ты, Маркъ Туллій, говорилъ такимъ образомъ, я не ѣлъ бы теперь въ Массиліи эту вкусную рыбу». Вѣродѣ этого могли бы выразиться и наши сыновья, находящіеся теперь во Франціи,—предполагая, что имъ попался бы на бивакахъ газетный листокъ съ вашимъ письмомъ. «О, если бы ты, Эрнестъ Ренанъ, говорилъ такимъ образомъ съ твоими французами», могли бы они сказать: «а главное, еслибъ ты успѣлъ обратить ихъ къ своему мирному настроенію, намъ не пришлось бы, по всѣмъ вѣроятіямъ скоро, отыскивать въ Парижѣ эти чудныя вина». Но какъ ни вкусны вина, а наши добрые ребята охотнѣе остались бы дома. Вы боятесь, милостивый государь, чтобы, послѣ такого начала, нѣмцы не получили склонности къ военной жизни, — и грозите намъ

желѣзнымъ вѣкомъ. Самымъ лучшимъ предостереженіемъ, если только мы нуждаемся въ немъ, можетъ быть для насъ видъ вашей націи и тѣхъ послѣдствій, къ которымъ привела ее глубоко-укоренившаяся страсть къ войнѣ и хищничеству. Мы, нѣмцы, до тѣхъ поръ не выпустимъ изъ рукъ меча (за который мы схватились потому только, что насъ къ этому принудили), пока не достигнемъ цѣли этой войны; но, будьте увѣрены въ этомъ, и не станемъ держать его въ рукѣ ни однимъ днемъ дольше.

Ахъ, намъ предстоитъ потомъ, по заключеніи мира, такъ много дѣла дома!.. и вотъ эти-то домашнія дѣла мы считаемъ главными, а побѣду надъ внутренними затрудненіями болѣе важною, чѣмъ побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ. Да, мы думаемъ объ этой домашней задачѣ не безъ нѣкотораго страха. Разрѣшеніе военныхъ задачъ намъ удавалось уже неоднократно, но мирныя задачи мы рѣшали всегда не болѣе какъ посредственно. Съ 1814 и 15 года мы стали говорить, въ видѣ пословницы, что перья нашихъ дипломатовъ испортили то, что сдѣлали мечи нашихъ воиновъ. 1866 годъ подарилъ насъ полу-Германіей, вмѣсто того чтобъ подарить насъ цѣлою. А 1870 годъ? Мы перешли Рейнъ въ качествѣ побѣдителей и овладѣли вполне его лѣвымъ берегомъ; а Майнъ станетъ оставаться намъ границею, его лѣвый берегъ будетъ и впредь оставаться за предѣлами Германіи? Мы не вѣримъ этому. Тотъ недостойнъ, по нашему мнѣнію, нѣмецкаго имени, кто былъ бы въ состояніи (изъ предразсудковъ, или упрямства, или же изъ эгоизма и честолюбія) замедлить вступленіе отдѣльных нѣмецкихъ племенъ въ составъ соединеннаго нѣмецкаго государства, какъ бы ни было высоко поставлено такое лицо. Входите, входите! такъ кричатъ тѣмъ отдѣльнымъ пассажирамъ, которые бродятъ по платформѣ, мѣшкая и не рѣшаясь, когда поѣздъ желѣзной дороги готовъ къ отправленію. Входите, входите въ составъ германскаго государства! такъ кричитъ теперь исторія; не теряйте времени, теперь приливъ, не ждите пока отливъ выброситъ вашъ корабль на песокъ. Только перестаньте торговаться, не дѣлайте слишкомъ много условій. Главное дѣло, чтобъ мы всѣ, всѣ соединились; остальное, если только оно нужно, придетъ само собою. А если простые слова не помогутъ, то у насъ есть и угрозы. Вы, южно-германскія государства, помогали тому, чтобъ усмирить Францію и отнять у нея прекраснѣйшія полосы земли. Что она припомнитъ вамъ это, что она станетъ мстить вамъ за это при случаѣ—въ этомъ вы можете быть увѣрены. Но какимъ образомъ станете вы ей противиться, если вы не примкнете крѣпко и вполне къ вашимъ сѣвернымъ братьямъ. Крѣпко и вполне, т. е. не посредствомъ тѣхъ непрочныхъ отдѣльных договоровъ, которые могутъ быть и не исполнены, но посредствомъ полнаго и безусловнаго вступленія въ единодушное германское союзное государство. Видите ли, милостивый государь, это самые дорогіе два вопроса для нашего сердца; мы готовы возвратиться изъ Франціи опять въ Берлинъ, и какъ мы ни обрадуемся извѣстію, что наши войска вступили въ Парижъ, но радость наша тогда только будетъ совершенна, когда мы увидимъ въ залѣ германскаго имперскаго сейма—баварскихъ и швабскихъ, пфальцскихъ и гессенскихъ депутатовъ. Когда мы достигнемъ этой цѣли (что, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ скоро), а вслѣдъ за этимъ и французы также хорошо устроятъ свои внутреннія дѣла; когда они воспользуются тѣми уроками, которыми

такъ богата настоящая война, когда и виѣшнее препятствіе (увеличившееся могущество Германіи) не допустить идти ихъ по ложному пути;—тогда оба эти народа будутъ благоденствовать.) Европа будетъ имѣть всевозможныя припны для того чтобъ быть довольною

новымъ порядкомъ вещей; человѣчество сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ отношеніи своего развитія; а люди, которые считаютъ своимъ призваніемъ трудиться въ пользу этого развитія, съ радостію протянутъ опять другъ другу руку.

ВЗЯТІЕ КАРТЕЧНИЦЫ.

(РАЗСКАЗЪ РАНЕНАГО ОФИЦЕРА).

Нашъ полкъ получилъ приказаніе выступить изъ деревеньки Шапель, въ которой мы были расположены на квартирахъ и поближе подвинуться къ Седану, гдѣ уже съ самаго утра слышалась пальба и надвигались войска.

Было около четырехъ пополудни. День, сначала ясный и теплый, сдѣлался сѣренькимъ, и цѣлыя облака дыма наполнили изгарью воздухъ. Чѣмъ ближе подвигались мы къ мѣсту назначенія — тѣмъ чаще начали намъ попадаться фуры съ ранеными, обозы, сестры молосердія и т. д.

Идти было трудно, потому что путь постоянно преграждали обозы, артиллерія, спѣшившіе солдаты и цѣлыя толпы разнаго народа, состоявшія изъ разрозненныхъ солдатъ, погонщиковъ, маркитантовъ, музыкантовъ. Все это тянулось, куда-то спѣшило, обгоняя другъ друга, толкаясь и ругаясь между собою.

Въ намъ подскакалъ адъютантъ. «Генераль приказалъ занять эту лошину!» крикнулъ онъ, указывая пальцемъ въ сторону, гдѣ за дымомъ ничего нельзя было разглядѣть. Я съ своимъ баталіономъ двинулся впередъ, когда вдругъ слѣва отъ насъ что-то блеснуло и раздался ударъ пушечнаго выстрѣла. Это были французы — они то и выстрѣлили въ насъ. Мы всѣ какъ бы инстинктивно отшатнулись въ сторону, и картечь свистя и кружась пролетѣла надъ нашими головами.

Въ хвостѣ баталіона сдѣлалось какое-то движеніе. Я оглянулся назадъ, это унесли нашихъ раненыхъ. Французская картечь не пропала даромъ.

Не смотря на это, полкъ нашъ подвигался все ближе и ближе къ лошинѣ. Огоньки и щелканье ружей становились все чаще — и въ нашихъ рядахъ то тамъ то сямъ появлялись пустыя мѣста.

Межъ тѣмъ какъ мы подвигались все далѣе впередъ, третій баталіонъ нашего полка зашелъ слѣва въ тылъ непріятеля. Мы слышали, какъ французы съ криками: «Vive l'Empereur» бѣжали къ намъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ пушки ихъ, расположенныя на нѣсколькихъ высотахъ, постоянно громили наши ряды.

Въ дыму трудно было отличить движущіяся фигуры, и легко бы принять своихъ за непріятеля — вслѣдствіе чего нашъ полковой командиръ приказалъ остановиться. Мы построились въ четыре каре, и съ минуты на минуту ожидали нападенія.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ переднихъ рядахъ раздалась команда: «цѣлся... пли!» Затѣмъ раздался такой трескъ и шумъ, что казалось рушится весь міръ.

Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, мы увидѣли, что французская пѣхота бѣжитъ обратно въ лошину, а наши гнали за ней по пятамъ. Но французы скоро остановились и, сомкнувъ свои разсѣянные ряды, снова обратились на насъ.

Я силлся было крикнуть команду, но голосъ мой

нельзя было слышать даже и въ двухъ шагахъ — за тѣмъ грохотомъ пушекъ, свистомъ ядеръ и пуль и крикомъ разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Около меня упалъ солдатъ, потомъ другой, третій, ряды пустѣли все болѣе и болѣе, и только слышалась команда: «сомкнись, сомкнись!»

Солдаты стрѣляли какъ попало, заряжая и подвигаясь все ближе и ближе къ непріятелю. Передніе ряды наши вступили уже въ рукопашный бой. Французы хотѣли оттѣснить насъ и напали какъ бѣшеные.

Одинъ баталіонъ ихъ подошелъ съ боку, бросаясь на насъ со штыками, но былъ совершенно уничтоженъ двумя орудіями, находившимися въ пятидесяти шагахъ отъ нашего каре.

Несмотря на отчаянный бой, непріятель долженъ былъ отступить, бросая своихъ раненыхъ и подымаясь на гору.

Пушки его и одна картечница, расположенныя на холмахъ, обдавали насъ цѣлымъ градомъ пуль и картечи. Положеніе наше было очень опасное, хотя непріятель и отступалъ, — ибо почти-что половины полка не существовало, а помощи (крайне необходимой помощи) не было видно.

Тутъ я замѣтилъ, что непріятель отступая оставилъ влѣво отъ насъ плохо прикрытыя орудія, около которыхъ копошились люди, освѣщаемые время отъ времени пушечнымъ огнемъ.

«Взять орудія» какъ молнія промелькнула мысль у меня, и должно-быть не у одного меня, — потому что не успѣлъ я скомандовать, какъ за мной бросилась цѣлая рота солдатъ и бѣглымъ шагомъ пустилась по направлению къ холму.

Вѣроятно французы догадались о нашемъ намѣреніи, потому что тотчасъ навстрѣчу намъ показалось нѣсколько сотенъ непріятельскихъ пѣхотинцевъ, которые, держа ружья на перевѣсъ, старались загородить дорогу.

Но это было напрасно; солдаты мои до такой степени были озлоблены, что не обращая вниманія на постоянно убывающее число, прикладами и штыками прокладывали себѣ путь.

Мы были уже почти-что на самомъ верху холма, когда раздавшійся выстрѣлъ изъ картечницы повалилъ половину моихъ людей. Рота заколебалась, но это было только на одну минуту... потомъ съ новою силой и яростію мы сдѣлали еще одинъ натискъ — и были на верху. Въ нѣсколько мгновеній орудія были окружены нашими, и только тамъ и сямъ происходилъ одиночный бой между нашими солдатами и французскими канонерами.

Пушки и картечница были достойными наградами нашихъ усилій. Я уже началъ отдавать приказаніе чтобы направить отнятыя пушки противъ непріятеля, когда почувствовалъ жгучую боль въ лѣвомъ плечѣ и

Взятие картечицы подь Седаномъ.

затѣмъ замѣтилъ струйку крови, которая бѣжала по моему рукаву. Я былъ раненъ.

Не знаю, долго ли я лежалъ, но когда я очнулся, то предо мною были неискаженные яростью и злобой лица солдатъ, не война со всѣми ея ужасами, а милосердное лицо молодой сестры милосердія, которая съ нѣжною улыбкой спрашивала меня: какъ я себя чувствую.

Около меня лежало нѣсколько другихъ офицеровъ, товарищей по несчастію, громкіе стоны и охалье которыхъ показывали, что и для нихъ битва не прошла даромъ.

Тутъ уже я узналъ, что нашъ полкъ почти совершенно уничтоженъ, но что орудія взятые нами удержаны. Потомъ я снова забылся, хотя и слышалъ какъ бы сквозь сонъ о томъ, что императоръ Наполеонъ а съ нимъ и вся армія Магъ-Магона сдалась на капитуляцию. Все пережитое наканунѣ казалось какъ будто случившимся когда-то давно-давно—и чудилось, что я нахожусь среди своей дорогой семьи, среди мирныхъ добрыхъ гражданъ, среди цвѣтущихъ деревьевъ и зеленѣющихъ полей, далеко отъ войны съ ея ужасами, кровью и убійствомъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Какъ отразилась французско-прусская война на Петербургъ. — Наѣздъ русскихъ эмигрантовъ, (вѣрнѣе, абсентеистовъ) и французская эмиграція. — Слѣдствіе перваго наѣзда. — Холера; ея приличный характеръ въ этомъ году. — Кто виноватъ въ большой смертности простаго народа. — Скандалъ въ Большемъ московскомъ театрѣ. Кѣмъ и ради кого онъ произведенъ. — Достойное изумленія поведеніе большинства публики. — Какъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ публика заграничныхъ театровъ.

Какъ отразилась теперешняя война на Петербургъ? Вотъ тема достойная фельетониста.

Благодаря этой войнѣ произошло—во первыхъ: великое переселеніе или перемѣщеніе петербуржцевъ. Весь подвижной элементъ Петербурга, т. е. недвижимый собственностиныхъ домовъ или квартиръ, законтрагованныхъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, былъ отодвинутъ изъ центра города къ его окраинамъ, послѣдовала движенію центробѣжному.

Произошло это отъ вздорожанія квартиръ.

Вздорожаніе было слѣдствіемъ перевѣса спроса надъ предложеніемъ.

Перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ произведенъ массою нахлынувшихъ изъ-за границы русскихъ семействъ.

Движеніе семействъ на лоно родины было вызвано военною тревогою и смутами Европы.

Итакъ, современная война, возвративши Россіи многихъ заблудшихъ за границу дѣтей ея, пала тяжелымъ налогомъ на петербургскія квартиры—тяжелымъ на квартирантовъ и благопріятнымъ для домохозяевъ.

Въ этомъ можно видѣть явленіе аналогическое съ явленіями прусско-французской войны. Законъ одинъ. И здѣсь, какъ тамъ, пострадалъ элементъ неустойчивый, выигралъ — консервативный. Квартиранты представляютъ первый, домохозяева—второй.

Если вамъ эта параллель не правится—пропустите ее безъ вниманія.

Я видѣлъ почтеннаго отца семейства, запыхавшагося, взволнованнаго, съ проклятіемъ во взорѣ. Онъ остановилъ меня слѣдующимъ вопросомъ:

— Ну-съ, и что же вы прикажете мнѣ дѣлать?

— Если можете — не дѣлайте ничего, — вы будете гарантированы отъ ошибокъ.

— Я не шучу-съ... Я заплатилъ въ одну квартиру пять, я заплатилъ въ другую десять, я заплатилъ въ третью двадцать пять (!?) рублей — и все старье, давно занятые или негодные адреса...

Я понялъ, что имѣю дѣло съ искателемъ квартиръ.

— Если домъ, сказалъ я ему въ утѣшеніе, — отказываютъ вамъ въ гостепримствѣ, откажите имъ въ чести имѣть васъ подъ своимъ кровомъ. Разбейте гдѣ нибудь шатеръ на одномъ изъ нашихъ просторнѣйшихъ плацовъ — и вообразивъ себя воюющею стороною...

— Это шутки-съ, да на плацъ и не пустять.

— Ну, въ такомъ случаѣ наполните шаръ газомъ — и если вѣтеръ будетъ благопріятенъ, то улетайте со всѣмъ семействомъ вопъ изъ Петербурга; если же никакого вѣтра не будетъ, — что у насъ часто случается, — то держитесь надъ Петербургомъ, пока условія его не стануть для васъ болѣе благопріятны.

Онъ отвѣчалъ мнѣ взглядомъ полнымъ упрека.

— Попробуйте поискать казенную квартиру, сказалъ я чтобы поправиться.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему развитію темы.

Вторымъ слѣдствіемъ войны былъ опять таки наѣздъ на Петербургъ—но элемента совсѣмъ противоположнаго.

Третья французская республика подобно первой подарила насъ эмиграціей.

Эмиграцію эту составляютъ эмигрантки, тѣ рты, быть-можетъ и прелестныя, но бесполезныя, съ которыми такъ грубо поступило правительство національной обороны, въ одинъ прекрасный день, схвативши ихъ, и не говоря дурнаго слова, выпроводивъ изъ Парижа.

Наѣздъ этой эмиграціи отличенъ отъ роднаго наѣзда тѣмъ, что въ немъ семейнаго характера вовсе не замѣчается.

Но такъ какъ этотъ характеръ свойственъ преимущественно тому журналу, на страницахъ котораго я имѣю честь писать, то я и считаю за-благо воздержаться отъ дальнѣйшаго развитія моихъ мыслей — и совершая самъ надъ собою обрядъ цензорскаго обузданія, мысленно перечеркиваю красными чернилами всѣ тѣ сравненія и остроумныя соображенія, которыя пришли мнѣ было въ голову.

Перехожу къ третьему слѣдствію войны, наиболѣе печальному для всѣхъ отъ мала до велика подвизающихся на неблагодарномъ поприщѣ фельетонизма.

Слѣдствіе это состоитъ въ полномъ отвращеніи вниманія русскаго общества отъ всѣхъ его собственныхъ дѣлъ и въ умаленіи значенія явленій нашей жизни — пропорціонально важности событій совершающихся за-границей.

О какомъ бы изъ текущихъ явленій вы ни попробовали теперь заговорить, — устно или печатно, — вы непременно почувствуете, что рѣчь ваша звучитъ какъ-то странно, посторонне общему настроенію, что она мало кстати.

Возьмемъ напр. холеру. Кажется, явленіе довольно

почтенное; хотя она на этот раз свирѣпствуетъ довольно сдержанно — но все-же... Но все-же выходитъ, что она не имѣла въ публикѣ никакого успѣха, прошла или проходитъ почти совершенно незамѣченной, потому что — стоитъ ли говорить о какой-нибудь тысячѣ жертвъ, за нѣсколько недѣль, когда одно хорошее «дѣло» тамъ, во Франціи, беретъ ихъ сразу нѣсколько тысячъ.

Тамберликъ былъ грубо ошканъ въ Москвѣ... Но что значитъ свистъ театральнаго райка сравнительно со свистомъ боевыхъ пуль, что значитъ временное поражение Тамберлика сравнительно съ поражениемъ и падениемъ Наполеона, что значитъ интриги враговъ пѣвца, сравнительно съ интригами злокозненнаго Влсмарка или Людовика Бонапарта? — Разумѣется ничего...

Театръ, напр., дать нѣсколько крупныхъ новостей; но скажите на милость, можно ли разсуждать о театрѣ драматическомъ или оперномъ, когда тамъ на театрѣ военныхъ дѣйствій совершаются такіе дебюты, разыгрываются такіа драмы и звучитъ такая музыка, какихъ не произведутъ соединенныя силы всѣхъ труппъ и оркестровъ обѣихъ столицъ.

Открылись неизбежные спутники осенняго сезона — различныя выставки, пока только художественныя, но за то двѣ: одна академическая на Васильевскомъ островѣ, другая въ обществѣ поощренія художествъ. Но что значать всевозможныя картины нашихъ художниковъ, сравнительно съ тѣми историческими и батальными картинами, которыми насъ подарили французы въ сотрудничествѣ съ нѣмцами. Лучшіе мастера исторической живописи, той и другой школы, вызвали на свѣтъ столь неожиданныя и смѣлые эффекты и оставляютъ послѣ себя такіе «веселенькіе пейзажики», что убьютъ наповалъ всѣхъ «Птицелововъ», «Александровъ Македонскихъ», «Купальщицъ» и прочія произведенія академической галлерей.

Этотъ переборъ явленій, съ противоположеніемъ ихъ явленіямъ западной современной жизни, можно бы продолжать далѣе, — но пока довольно.

Каждое изъ перечисленныхъ явленій, кромѣ своего относительнаго ничтожества, и само по себѣ является на этотъ разъ столь слабымъ, малозначущимъ, что далеко не можетъ поглотить всего вниманія просвѣщеннаго читателя; надо всѣмъ этимъ явленіямъ предстать въ совокупности, чтобы составилась сколько-нибудь вѣснѣй матеріалъ для праздныхъ размышлений.

Холера, напр., въ этомъ году, кромѣ своей сдержанности, сдѣлала значительные успѣхи въ вѣжливости, тактѣ, замѣтно цивилизовалась.

Она ведетъ себя крайне осторожно: почти не задѣваетъ, не касается людей порядочныхъ, принадлежащихъ къ классу достаточному.

Но за то съ лихвой наверстываетъ эту почтительность размахистыми захватами среди простонародья.

Но кто-же въ этомъ виновать? Разумѣется *они* сами и никто больше.

Доказать это очень легко; стоитъ только вспомнить, что при каждомъ появленіи холерной эпидеміи являются немедленно вслѣдъ за нею совѣты и предостереженія, въ высшей степени благоразумныя, обращенныя къ рабочему и чернорабочему люду. Наставленія эти касаются тѣхъ гигиеническихъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать для избѣжанія визита грозной гостьи. Такъ, народу совѣтуется употреблять пищу здоровую, свѣжую и питательную; заботиться о чистотѣ воздуха и опрятности въ жилищахъ; одежду имѣть соразмѣрно теплой;

не подвергаться влияніямъ нашего капризно-суроваго климата, остерегаться простуды и многое другое въ этомъ родѣ. Что-же оказывается на дѣлѣ? Оказывается, что рабочее населеніе не соблюдаетъ ни одного изъ этихъ правилъ. По необразованности что-ли, или по упрямству, но нашъ простолюдинъ ѣсть богъ знаетъ что, — такую пищу, которую конечно не станеть ѣсть ни одна хорошо воспитанная компанная собачка; живетъ въ душныхъ сырыхъ и вонючихъ помѣщеніяхъ; часто цѣлые дни и ночи проводитъ на открытомъ воздухѣ, не смотря ни на какую погоду, при чемъ не предохраняется достаточно отъ простуды... Ну и заболѣваетъ, а заболѣветъ и умретъ.

Кто же тутъ виновать? Разумѣется никто кромѣ самой жертвы.

Но мало, что такой легкомысленный и неосторожный рабочий заразится и умретъ самъ, — онъ еще распространитъ заразу на окружающихъ, такъ что за его вину можетъ поплатиться какое-нибудь ии въ чемъ невинное, болѣе или менѣе, высокопоставленное лицо.

Вотъ это должно быть предотвращено, этому должны быть положены границы.

Такъ какъ извѣстно, что съ нашимъ народомъ требуются мѣры рѣшительныя, строгія (иначе съ нимъ ничего не подѣлаешь), то я полагаю бы целесообразнымъ постановить за несоблюденіе предписанныхъ гигиеническихъ условій извѣстныя взысканія, въ такой постепенности, что если наприм. заболѣвшій но выздоровѣвшій подлежитъ уплатѣ опредѣленнаго штрафа, то заболѣвшій и невыздоровѣвшій долженъ подвергаться штрафу вдвое (по крайній мѣрѣ) большому, ибо онъ значительно болѣе угрожаетъ общественному здравію.

Но такъ какъ «проекты» законодательнаго характера едва ли могутъ входить въ мою программу, то я напомнивши только, что заговорилъ о холерѣ для показанія того умѣреннаго и благонамѣреннаго направленія, которымъ она отличалась въ послѣднее время, дѣлаю отъ нея скачекъ къ другому явленію, о которомъ упоминалъ уже — именно о скандалѣ, случившемся въ большомъ московскомъ театрѣ на первомъ выходѣ Тамберлика.

Скандалъ этотъ — несмотря на то, что шумъ въ театрѣ произведенъ былъ страшный, — въ обществѣ и печати большого шуму не вызвалъ. Образованная и музыкально-развитая часть московскаго и петербургскаго общества посиѣшила — въ лицѣ своихъ артистическихкихъ клубовъ и представителей — выразить оскорбленному артисту то чувство негодованія, которое вызывается во всѣхъ порядочныхъ людяхъ безчиномомъ шайки или чѣмъ не сдерживаемымъ, т. е. ии обществомъ, ии властью, ии чувствомъ порядочности, — и засвидѣтельствовать при этомъ уваженіе къ прекрасному таланту и искусству знаменитаго пѣвца.

Съ своей стороны, считаемъ долгомъ замѣтить по поводу этой гадкой исторіи, что она далеко не есть дѣло райка, толпы, массы.

Раекъ — это большое и неразумное дитя, очень легко увлекающееся, но дитя доброе и въ отношеніяхъ своихъ къ артистамъ честное.

Для того чтобы натолянуть его на такое гадкое дѣло, какъ ничѣмъ не вызванное оскорбленіе любимаго пѣвца, — надобны чужія руки, чужія поддускиванія, совращенія и прочія махинаціи, закупающіе голоса.

На этотъ разъ, всю эту работу произвелъ одинъ кружокъ московской jeunesse dorée, «отвратительнѣйшій

кружокъ отвратительнѣйшей jeunesse dorée, какая только гдѣ-либо существуетъ» — какъ отзывался о ней одинъ изъ москвичей, хорошо знающій свой городъ. Составленная изъ людей образцовой пошлости и пустоты, хранящихъ преданіе добраго стараго времени съ традиціями парикмахерскаго шика, и не хранящая отцовскихъ денегъ, эта шайка выбрала поприщемъ своей общественной дѣятельности — театръ. Амбіція этого кружка: являться законодателемъ сценическаго вкуса, рѣшителемъ успѣха или неуспѣха артистовъ и артистокъ. Талантъ или искусство послѣднихъ при этомъ, понятно, играетъ роль очень второстепенную. Расположеніе и поддержка этого кружка списывается заслугами — ничего общаго съ искусствомъ неимѣющими. Такую-то любовь удалось заслужить одному италіянскому пѣвцу, пѣвшему прошедшею зимою въ Москвѣ, пѣвцу молодому съ довольно хорошими голосовыми средствами. Вѣроятно въ вышеупомянутомъ кружкѣ разсуждаютъ такъ, что за-разъ хвалить двухъ артистовъ нельзя, — что если ты хлоснешь А, то этимъ самымъ обязываешься шикать Б, хотя бы Б. имѣлъ свои достоинства, меншія достоинства А. Взглядъ, который въ полной силѣ царитъ въ провинціи. На провинціальныхъ сценахъ не можетъ появиться двухъ актеровъ или актрисъ на болѣе или менѣе одинаковыя амплуа — безъ того чтобы всѣ мѣстные театралы, вся публика театра не раздѣлилась тотчасъ же на два лагеря, называющіеся обыкновенно по именамъ своихъ кумировъ и ведущіе между собою ожесточенную борьбу. Предполагается при этомъ, что аплодисменты одному артисту представляютъ личную обиду другому; ошибать же актера — значитъ доставить торжество для его мнимаго или дѣйствительнаго соперника. Понятно, при чемъ тутъ остается искусство.

Этотъ широкій и просвѣщенный взглядъ раздѣляетъ и театралный кружокъ московской jeunesse dorée.

Оказывается, что Тамберликъ былъ принесенъ въ жертву — на алтарь воздвигнутомъ въ честь Станіо.

Все это вообще очень мелко, мерзко, но правдоучительно. Правоучительно въ этомъ скандалѣ поведеніе

публики или большинства публики. Оно въ особенности достойно вниманія.

Нѣсколькимъ тысячамъ челоѣкъ, собравшимся съ одною общою цѣлью наслажденія искусствомъ и заплатившимъ за это деньги, шайка сговорившихся безобразниковъ всячески мѣшаетъ слушать. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, въ продолженіи пяти актовъ, шайка шипитъ, свиститъ, кричитъ, ругается. И нѣсколько тысячъ челоѣкъ безсилны что-нибудь подѣлать съ шайкой крикуновъ, заставить ихъ замолчать.

Нѣсколько тысячъ челоѣкъ съ безпомощной тревогою озираются кругомъ, ища глазами полицію, уповая на ея благодѣтельное вмѣшательство, для прекращенія междоусобной брани.

Но, увы! полиція, на этотъ разъ, съ спокойствіемъ достойнымъ лучшаго случая, пребываетъ безучастно, остается спокойной зрительницей совершающагося скандала, при самомъ объективномъ къ нему отношеніи.

И тысячи зрителей Большаго Московскаго театра не могутъ справиться съ десяткомъ — другимъ скандалистовъ.

Вотъ черта изумительной кротости и смиренія, которую рекомендую для восторга каждому истинному славянофилу.

На гинломъ западъ въ подобныхъ случаяхъ публика распоряжается совершенно иначе. Тѣхъ кто ей мѣшаетъ слушать — она безъ церемоніи выпроваживаетъ за дверь и даже не прибѣгая къ силѣ, однимъ грознымъ крикомъ: «à la porte!»

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы и у насъ попробовали когда-нибудь примѣнить это заграничное изобрѣтеніе, и двое или трое изящныхъ юношей вылетѣли бы за дверь — другіе сразу бы притихли, и это послужило бы хорошимъ для нихъ предостереженіемъ на будущее время.

Но прилично ли такъ поступать смиренному и любвеобильному славянину?!

О театралныхъ новостяхъ и художественныхъ выставкахъ поговоримъ въ другой разъ.

СМѢСЬ.

Саргасское озеро. — Посреди океана лежитъ озеро! Какъ это ни странно звучитъ, однако это буквальная истина. Берега этого озера точно опредѣлены — и характеристика его такъ бросается въ глаза, что ошибиться нѣтъ возможности.

Когда Колумбъ въ первое свое путешествіе дошелъ до нѣкотораго разстоянія на Западъ отъ Канарскихъ острововъ, онъ весьма изумился, когда въ одно прекрасное утро проснулся и увидѣлъ, что корабли его плаваютъ по зеленому лугу. Докуда взоръ достигалъ, вода была покрыта желтовато-зелеными растеніями, такъ роскошно раскинувшимися по всей поверхности, какъ водяныя лиліи по пруду. Матросы, безъ того уже испуганные неизмѣнностью вѣтра, — они находились въ полосѣ пассатныхъ вѣтровъ, — смотрѣли на эту окружающую ихъ со всѣхъ сторонъ растительность, какъ на вѣрное знаменіе близкой гибели. Они твердили, что Всевышній гнѣвъ на нихъ за дерзновенность, съ которою они мнили проникнуть въ тайны Запада, и предасть ихъ во власть злыхъ силъ тьмы, которыя этимъ вѣтромъ препятствуютъ ихъ возвращенію въ Испанію и теперь нустать ихъ ко дну. Начальникъ экспедиціи не могъ объяснить себѣ это явленіе, и почти раздѣлялъ мнѣніе своихъ матросовъ, что эта зелень есть смытая волнами растительность, покрывавшая какой нибудь утесъ, объ который они сейчасъ разобьются. Спустили лодъ — дна не нашли. Корабли не измѣняли своего направленія;

безпрестанно спускали лодъ съ тѣмъ же результатомъ — и спустя нѣсколько дней опять вышли въ открытое море.

Вѣроятно много тысячъ лѣтъ существовалъ этотъ морской лугъ, прежде чѣмъ увидалъ его Колумбъ, и теперь существуетъ точно въ томъ же видѣ. Онъ образуетъ треугольникъ, обращенный углами къ Азорскимъ островамъ, къ Канарскимъ и къ Зеленому мысу. Въ этихъ предѣлахъ простирается бездонное пространство, покрытое такимъ густымъ сителеніемъ растеній, что оно замедляетъ ходъ парусныхъ судовъ. Пароходы по возможности избѣгаютъ его, потому что колеса или винты отъ него портятся; но парусные корабли, идущіе въ Вест-индію или въ Капъ, не могутъ миновать его. Случается, что бури даютъ себя чувствовать и тутъ — и дико раскидываютъ растенія, но вообще надъ Саргасскимъ озеромъ господствуетъ глубокая тишина; вѣтеръ стихаетъ, небо ясно, вода покойна.

СОДЕРЖАНІЕ: Ссылка (продолженіе). — Пошехонье (съ рисункомъ) А. П. Шевякова. — Темныя и свѣтлыя стороны дѣятельности естествоиспытателя (лекція пр. Людвигъ). — Письмо Давида Штрауса къ Эрнесту Ренану (окончаніе). — Взятіе картечицы (съ рисункомъ). — Фельетонъ. — Смѣсь.

Редакторъ В. Клюшниковъ.